

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МИРАЖИ

Экономика Путина: агония или возрождение?*

М.Г. ДЕЛЯГИН

Уже к середине 2000 г. игнорирование правительством важнейших структурных проблем сделало инвестиционные риски слишком высокими и привело к переориентации дополнительных доходов с инвестиций на потребление, что затормозило экономический рост**. Помимо этого, Россия впервые вплотную ощутила не только финансовые, но и натуральные ограничения развития (нехватку квалифицированных рабочих и специалистов, а также энергии).

Правительство не решает назревшие структурные проблемы (произвол монополий, незащищенность прав собственности) по идеологическим и административным причинам. Нуждаясь после года безделья в демонстрации решимости, правительство склоняется к «третьему витку» либеральных реформ, который выльется в масштабные и разрушительные банкротства и рост тарифов естественных монополий (включая жилищно-коммунальное хозяйство), а затем — в политический кризис.

Политика, проводимая только для роста рейтинга, в конце концов обрушивает его, выродившись в популизм. Это создает потребность в расширении социальной базы, которая может включить в себя «новую олигархию», независимую от президента. Ее влияние резко выросло за последний год. Необходимость держать ее под контролем делает самой перспективной силой, способной взять власть уже в 2004–2007 гг., «новых левых».

Введение. Who is Mr. Putin: затянувшееся предисловие

Вступив в 2000 г., страна задолго до выборов узнала имя своего нового президента и стала ждать от него действий, которые прояснили бы его намерения, а значит, — и ее перспективы. За минувшее время не оправдались ни самые пугающие,

* В статье использованы материалы готовящейся к печати книги «Создай себе Родину».

** При подготовке статьи использованы: справочники Госкомстата «Социально-экономическое развитие Российской Федерации» за соответствующие месяцы; курс доллара указан по справочным данным Центробанка («Банковский вестник России»); данные по исполнению бюджета приведены на основании пресс-релизов Министерства финансов об исполнении федерального бюджета за соответствующие периоды (сентябрь 2000 г. — февраль 2001 г.).

ни самые радужные прогнозы. Вынесенный в заголовок «проклятый давосский вопрос», задаваемый публично, перестал вызывать у официальных лиц нескрываемый страх, а один из депутатов Госдумы даже попытался найти на него ответ.

Все, что у него получилось – беспомощная констатация того факта, что В. Путин является президентом России. Как и в начале 2000 г. стране не известно практически ничего содержательного о стратегических приоритетах своего лидера – и это весьма убедительно характеризует как лидера, так и страну. Следуя великому примаковскому принципу «прежде всего не совершать глупостей», президент действовал в целом разумно и осторожно, что обернулось отсутствием реальных приоритетов и стратегии действий. «Все яростно борются за национальные интересы, и никто не имеет понятия, в чем именно они заключаются», – растерянно констатировал высокопоставленный дипломат, выразив ненароком общее состояние российского государства.

Отсутствие четкого представления о целях исключила возможность последовательного и осознанного развития: в течение всего 2000 г. и начале 2001 г. страна неслась «по воле волн». Развитие было случайным и в высокой степени хаотичным.

Пока внешние и внутренние обстоятельства были благоприятными – экономическая конъюнктура захлестывала страну потоком нефтедолларов и ростом внутреннего спроса, США потрясали мучительные пароксизмы учета и переучета голосов, а напуганное Чечней и еще не отошедшее от выборов население поддерживало президента (отношение населения к В. Путину после Б. Ельцина весьма напоминало удивление, которое после Л. Брежнева вызывал Ю. Андропов – тем, что в своих выступлениях выражал какие-то мысли, и М. Горбачев – тем, что мог говорить «без бумажки») – отсутствие приоритетов и стратегий вело к простому растраниванию времени и других важнейших ресурсов. Однако уже в конце 2000 г. не только представителям государства, но и общественности стало практически очевидным, что неопределенность «по всем азимутам» становится неприемлемо дорогой. Пришла пора определяться, завершать неоправданно затянувшийся «переходный период» принятия дел и подготовки к собственно президентской деятельности.

Чтобы понять, перед каким именно выбором стоит президент, и что он будет значить для нашей страны, рассмотрим общую ситуацию, сложившуюся в экономической сфере к настоящему времени.

Раздел 1. Макроэкономика: обострение старых проблем

1.1 Заговор против рубля

Весь 2000 г. правительство самозабвенно рапортовало о действительно фантастических успехах, достигнутых Россией, и грезило об их бесконечном продолжении. Действительно, формальные показатели развития были великолепны: экономический спад 1998 г. (4,9 %) сменился ускоряющимся ростом 1999 и 2000 гг. – соответственно на 3,2 % и 7,6 %, в результате чего экономика страны вплотную приблизилась по своим масштабам к уровню 1994 г.

Инвестиционный провал прошлых лет (только в 1998 г. инвестиции сократились на 6,7 %) сменился ростом в 1999 г. на 5,3 %, а в 2000 г. их увеличение – невиданное за последние четверть века! – составило 17,7 %. Даже уровень жизни

населения вырос на 9,1 % и сократил отставание от додефолтного 1997 г. с 30 % в 1999 г. до 23,3 % в 2000 г.

К сожалению, эти успехи не имели никакого отношения к действиям государства. Они были вызваны «позитивным эхом» девальвации (ростом рентабельности экспорта и падением – импорта), взлетом мировых цен на нефть, а также усилиями правительства Е. Примакова, которое, остановив рост тарифов естественных монополий, не просто стабилизировало ситуацию после дефолта, но создало благоприятные условия для развития экономики страны.

Правительство реформаторов, для которого эти результаты стали манной небесной, весь 2000 г. почивало на лаврах. Если отвлечься от бесконечных велеречивых разговоров о переходе к устойчивому экономическому росту, единственным результатом его работы стала куцая налоговая реформа, от которой в конечном счете осталось только снижение ставки подоходного налога до 13 % (как в Эстонии и Боливии). Сочетание с регрессивным социальным налогом придало этому снижению омерзительный классовый характер, так как обеспечило рост налогового бремени по мере сокращения доходов. В результате честными могут быть лишь самые богатые: уже при зарплате менее 500 долл. в месяц ее налогообложение становится запретительно высоким.

Бездействие правительства привело к исчерпанию ресурсов развития. «Эхо» девальвации 1998 г. затихло, естественные монополии добились возможности фактически произвольно повышать тарифы, и единственным источником благосостояния стали высокие цены на нефть, заложницей которых и оказалась Россия. Уже к середине 2000 г. нерешенность структурных проблем начала тормозить развитие.

По данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, если за первую половину 2000 г. (уровень июня по отношению к декабрю с исключением сезонности) промышленное производство выросло на 6,3 %, то за второе полугодие (декабрь по отношению к июню) сократилось на 3,1 %. Это произошло из-за изменения направления использования дополнительных доходов предприятий: в первом полугодии они шли в основном на инвестиции (те выросли на 18,6 % при снижении реальных доходов населения на 3,3 %), а во втором – переориентировались на потребление (инвестиции снизились на 0,4 %, зато реальные доходы населения выросли на 8,9 %).

Причины просты: игнорирование правительством важнейших структурных проблем воздвигло на пути инвестиций барьеры. Разгул монополий, незащищенность прав собственности, криминальность банкротств, анекдотичность суда и растущая угроза недоинвестирования (а значит – распада) инфраструктуры сделали инвестиционные риски слишком высокими. И страна, еще полгода назад урывавшая каждую копейку для развития производства и приподнявшаяся именно за счет этого, вновь начала потреблять, со вкусом «прожигая жизнь».

В довершение всего Россия впервые вплотную ощутила не только финансовые, но и натуральные ограничения. Если осенью 1998 г. отдельные предприятия ВПК, получив серьезные экспортные контракты, впервые столкнулись с нехваткой квалифицированных рабочих, то сегодня, после длительного восстановления объемов производства, эта проблема приобрела острый и почти всеобщий характер, дополнившись проблемой отсутствия мотивации к труду после получения минимальных доходов, позволяющих обеспечить ставшее привычным для десятков миллионов людей нищенское существование.

Натуральные ограничения приобрели и стратегический характер. В то самое время, когда стратегия Г. Грефа ориентировалась на среднегодовой темп роста экономики в 5,4 % (за 10 лет ВВП должен был вырасти в 1,7 раза), проект Энергетической программы правительства предусматривал увеличение производства энергии, которое при всем возможном снижении энергоемкости и росте эффективности производства ограничивало среднегодовой темп роста экономики 3,5 %, а увеличение ВВП в течение 10 лет – 41 %.

В этих условиях повышение реального курса рубля на 15,2 % в 2000 г. дополнительно подтолкнуло производство к стагнации. В декабре промышленный рост (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) замедлился до минимального с апреля 1999 г. уровня – 2,5 %, а прогнозы показали, что рост ВВП сократится почти вдвое – с 7,6 % в 2000 г. до 4 % в 2001 г. Если так пойдет дальше, то уже в 2002 г. в России может возобновиться экономический спад.

Дополнительным проявлением ухудшения экономической конъюнктуры (и, в свою очередь, фактором, усугубляющим это ухудшение) стало ускорение инфляции. В январе 2001 г. последняя выросла до 2,8 % (в декабре 2000 – 1,6 %, в январе 2000 – 2,3 %). Именно это заставило правительство заговорить о возможной потере контроля за инфляцией уже во втором квартале 2001 г.

Главная причина обострения этой, казалось бы, давно забытой проблемы, – позорная капитуляция правительства перед естественными монополиями: в январе 2001 г. оно вновь (как это было в мае–сентябре 2000 г.) разрешило резко повысить тарифы и РАО «ЕЭС России», и ОАО «Газпром» (хотя рентабельность газовой промышленности и до этого была максимальной в стране и приближалась к 70 %), и МПС, и уже после этого пообещало повысить внутренние тарифы МПС еще на 31 % (в два приема, при неясном снижении экспортных тарифов). При этом правительство даже не ставило перед ними вопрос об обеспечении финансовой прозрачности, без которой оно в принципе не имеет права одобрять повышение тарифов естественных монополий, так как не может проверить степень обоснованности этого повышения.

Так как причиной инфляционной волны являются его собственные лень и некомпетентность, правительство пытается пригасить инфляцию не насущными структурными реформами (в частности, комплексной антимонопольной политикой), но, как в 1995–1998 гг., ужесточением бюджетной политики.

Механизм возникновения инфляции видится реформаторам примитивно простым. Экспортеры заработали много валюты и стали сдавать ее в Центробанк в обмен на рубли. Чтобы курс доллара не упал и не сделал российскую экономику нерентабельной, приходящие в нее доллары обменивались на новые, специально эмитируемые рубли. В результате денежная масса, увеличившаяся в 1998 г. менее чем на 20 %, в 1999 г. выросла на 57,2 %, а в 2000 г. – и вовсе на 62,4 %.

Примерно половина эмитированных таким образом рублей была впитана реальным сектором, обеспечив вытеснение денежных суррогатов и сокращение неплатежей, погашение долгов по зарплате и баснословные доходы федерального бюджета. Именно эти деньги обеспечили в первой половине 2000 г. экономический и инвестиционный бум в России.

Однако другую половину эмиссии реальный сектор из-за нерешенности структурных проблем принять не смог. В принципе, в этом нет ничего страшного, ибо действующий механизм эмиссии основан на жестких ограничениях *surgency board* и потому в принципе не инфляционен: каждый эмитированный рубль

на 100 % обеспечен валютой (напомним, что легендарный «золотой червонец» нэпа был обеспечен ею лишь на четверть – и это было исключительно высоким уровнем даже по тем временам!).

Возможно, специалисты правительства этого не знают. Возможно, им не хочется допускать возврата рублей на валютный рынок, так как это приведет к снижению золотовалютных резервов Центробанка. В любом случае самый прямой и естественный путь решения проблемы – структурные преобразования, устранение преград, мешающих реальному сектору воспользоваться сотнями миллиардов эмитированных рублей. Но реформаторы не ищут легких путей ни для себя, ни, что существенно более важно, для России. И вместо того, чтобы пытаться использовать огромные деньги, подаренные стране счастливым случаем, но мешающие им из-за их собственной неумелости, они пытаются их уничтожить – «стерилизовать».

Таким образом, подобно тому, как совсем недавно неэффективность государства превращала в стихийное бедствие хороший урожай, теперь она превращает в кризис высокие доходы экспортеров.

Попытки этой стерилизации продолжаются уже почти год. Сначала рубли хотели загнать в новую «пирамиду» ГКО, – но наученные реформаторами инвесторы показали, что они хорошо помнят урок «киндердефолта». Попытались заставить Центробанк ужесточить денежную политику, – но отступили, когда им разъяснили, что это может разрушить банковскую систему. В результате изобрели совершенно фантастическую технологию, невиданную ни в одной стране мира: деньги стали замораживать прямо в бюджете.

Весь 2000 г. федеральный бюджет получал колоссальные дополнительные доходы, превысившие 250 млрд руб. При этом, по данным Счетной палаты, правительство умудрилось недофинансировать заложенные в бюджет расходы аж на 58 млрд руб., проведя неформальный секвестр не в условиях жесточайшего бюджетного кризиса, как в 1997 г., а при казне, буквально ломящейся от денег! Сэкономленные таким варварским способом средства не только пошли на компенсацию заложенных в бюджет заведомо нереальных внешних займов (только от МВФ и Мирового банка, по признанию первого вице-премьера А. Кудрина, предполагали получить 4,8 млрд долл., – а смогли менее 300 млн), но и были «заморожены» на его счетах.

В результате неиспользуемые остатки на счетах консолидированного бюджета (федерального и всех региональных бюджетов) выросли за январь–ноябрь 2000 г. на 125,7 млрд руб. и 1,2 млрд долл. С 1 февраля 2000 г. по его конец неиспользуемые остатки средств только федерального бюджета выросли более чем в 6 раз – с 16 до примерно 100 млрд долл. Эти деньги были взяты государством у налогоплательщиков и не возвращены им ни в каком виде. Когда в 1995–1997 гг. огромные средства бюджета «замораживались» в олигархических банках, это можно было объяснить корыстью и коррумпированностью соответствующих правительственных чиновников; в 2000 г. «зависание» денег налогоплательщиков в бюджете было вызвано преимущественно догматичностью и безграмотностью руководства Минфина.

Будучи вложены в экономику, эти средства (эквивалент 5,7 млрд долл.!) могли бы обеспечить ее модернизацию и вывести Россию на качественно иной технологический уровень, кардинально сократив ее отставание от развитых стран. Но неспособность правительства заниматься чем-либо, кроме выколачивания налогов и урезания расходов бюджетов, его нежелание решать структурные пробле-

мы сделало этот путь невозможным и не позволило направить и малую толику этих средств даже на спасение десятков тысяч людей, медленно умирающих от холода и отключений электроэнергии.

Заморозив в бюджете колоссальные средства, правительство обесценило собственные призывы к уплате налогов ради поддержания порядка и социально незащищенных слоев населения. Весь 2000 г. его политика делала уплату налогов совершенно бессмысленной.

Но в январе 2001 г. «сладкая жизнь» реформаторов закончилась: из-за ухудшения конъюнктуры правительству пришлось начать тратить «замороженные» средства. Несмотря на жесткую экономию (регионы в январе 2001 г. были недофинансированы на 14 %, военная реформа – на четверть, промышленность и сельское хозяйство – наполовину, а транспорт получил лишь 9 % обещанного), Минфину пришлось потратить 7,1 млрд руб. ранее неиспользуемых остатков бюджетных средств. Более того: ради внешних выплат, «не замеченных» правительством и депутатами Госдумы при составлении бюджета («дыра» в нем оценивается в 6,1 млрд долл.), реформаторы намерены сократить остатки средств на треть – на 33 млрд руб. (правда, 30 из них предполагается тут же вернуть в бюджет при помощи выпуска ГКО). О дальнейшем наращивании остатков на бюджетных счетах не может идти и речи, – а это означает, что механизм «стерилизации» рублей в федеральном бюджете больше не существует.

Казалось бы, вот он – повод для возвращения к разуму, для замены безумного ужесточения финансовой политики назревшими структурными мерами... Но реформаторы не сдаются. Они нашли новый выход из положения: оказывается, чтобы уменьшить количество «горячих» рублей, надо не обеспечивать их втягивание в реальный сектор, но сокращать рублевую эмиссию, точнее, ее первопричину – приток валюты на рынок и, соответственно, ее скупку Центробанком.

Самый откровенный из реформаторов, советник президента В. Путина по экономике А. Илларионов, официально подчеркнул (ко всему еще и сославшись на президента) пагубность для России слишком большого притока валюты и полезность ее оттока, – и его убежденность уже нашла отражение в политике правительства. Если в 1992–1998 гг. либералы-гайдаровцы, включая того же А. Илларионова, крушили российскую экономику, исходя из того, что «чем меньше денег у народа, тем лучше для народа», то теперь они перенесли тот же самый подход на все государство: чем меньше у России валюты, чем она беднее и зависимее от кредиторов, тем лучше для наших профессиональных реформаторов, тем лучше для нашего «прагматичного» правительства.

Именно на основе этих соображений оно стремится форсированно, уже в 2001 г. ввести страну во Всемирную торговую организацию (что, как будет показано далее, сделает ее беззащитной перед мировой конкуренцией и резко увеличит импорт без значимого роста экспорта), снизить норматив обязательных продаж валютной выручки с 75 до 50 % и превратить валютный контроль из превентивного, то есть предварительного, которым он является сейчас, на оценивающий уже совершенные сделки «задним числом». (Понятно, что в условиях, когда потерянные в среднероссийском регионе паспорта исчисляются десятками тысяч в год, такое радикальное смягчение валютного контроля приведет к невиданному даже в 1993–1995 гг. расцвету «фирм-однодневок», осуществляющих заведомо криминальные операции с валютой).

Дополнительным шагом в том же направлении стало более чем двукратное снижение экспортных пошлин на нефть (с 45 до 22 евро за тонну), осуществленное правительством в феврале 2000 г. без каких-либо экономических предпосылок. В годовом исчислении подарок реформаторов нефтяным компаниям оценивается в 2 млрд долл. в год – при том, что в это же самое время это же самое правительство с величайшим трудом, срываясь в политический скандал и вызывая в свой адрес самые яростные и разнообразные обвинения, протаскивало через Госдуму поправки к бюджету, позволяющие изыскать 6,1 млрд долл. дополнительных доходов. Сохранение экспортных пошлин на прежнем уровне позволяло снизить искомые средства почти в 1,5 раза, но правительство не воспользовалось этой возможностью.

Может быть, оно хотело стимулировать инвестиции? Но в этом случае оно должно было параллельно с предоставлением дополнительных доходов нефтяникам разрушать сложившиеся инвестиционные барьеры, прежде всего в области антимонопольного регулирования и защиты права собственности, на что не было и намека.

Расхожие подозрения в коррумпированности и в том, что правительство пыталось заручиться политической поддержкой «нефтяных баронов», не должны заслонять соответствия сделанного «подарка» общему курсу реформаторов на размывание золотовалютных резервов России. Не будучи дополненной мерами по стимулированию инвестиций, передача 2 млрд долл. из бюджета нефтяным компаниям означает вывод за границу значительной части этих средств и, соответственно, дальнейшее сокращение валютных ресурсов страны. По оценкам экспертов Национальной валютной ассоциации, проведение описанной комплексной политики уже в 2003 г. приведет к падению золотовалютных резервов Центробанка почти в 3 раза – до 10 млрд долл. – и утрате Россией последних признаков суверенитета.

Мы осознанно говорим не только об «экономическом» суверенитете, но о суверенитете как таковом. Бесспорно, что относительная независимость и самостоятельность России держатся не только на золотовалютных резервах Центробанка, но и на ядерных ракетах, способных достигнуть США. Однако принципиально важным является не само наличие таких ракет, а «отмороженность» их хозяина, то есть готовность применить их в случае возникновения критической ситуации.

Когда по истечении некоторого времени руководство США осознает (если оно еще не осознало это), что Россией правят нормальные люди, которые, несмотря на все декларации, не способны применить ядерное оружие (то есть уничтожить человечество) даже для достижения важных национальных целей, потенциал нашего суверенитета мгновенно «сожмется» до чисто экономических категорий и начнет непосредственно зависеть от величины золотовалютных резервов. Это время не за горами – и не к нему ли готовятся отечественные реформаторы, деятельность которых в последнее время слишком напоминает «заговор против рубля»? Некоторые фрагменты послания Президента усиливают это впечатление.

Понятно, что независимость бюджета от объема внешней задолженности невозможно в принципе. Ведь в 2003–2008 гг. объемы платежей по внешнему долгу колеблются в диапазоне, составляющем более 1,5 раз, – от 12 до 19 млрд долл. Платить эти деньги придется из бюджета, который уже только поэтому, вне зависимости от источника средств, будет не то что «зависеть», но во многом прямо определяться внешними платежами и, соответственно, объемом внешней задолженности.

Вероятно, составители бюджетного послания имеют в виду нечто иное – независимость от внешнего долга не бюджета вообще, а лишь его непроцентных

расходов (направляемых бюджетополучателям, а не кредиторам). Ее можно обеспечить лишь фиксацией величин основных сумм расходов в долгосрочной перспективе. При этом говорится только о неких «потолках расходных статей», превышение которых «возможно в исключительных случаях и по строго прописанной процедуре». Поскольку о секвестре ничего подобного не сообщается, создается впечатление, что расходы нельзя будет только повышать, а вот процесс их сокращения будет существенно более простым.

Таким образом, Россия не просто переходит на «румынский» вариант развития по принципу «все для внешнего долга». Ситуация значительно хуже: сама логика бюджетного процесса заставляет правительство установить некоторый минимальный уровень расходов на каждую статью бюджета и не допускать его увеличения. Это аналог той самой чрезмерно жесткой бюджетной политики, которая проводилась реформаторами в 1995–1998 гг. и привела не только к дефолту 1998 г., но, в конце концов, и к политическому кризису второй половины 1999 г. и отставке президента Б. Ельцина.

Основные направления бюджетной экономии уже понятны. Это не только госуправление, но и финансирование государственных инвестиционных программ. Появившиеся лозунги вроде «Реформа армии – это очевидный резерв бюджета» свидетельствуют не только о принципиальном нежелании понимать суть военной реформы (ведь переход к профессиональной армии, по крайней мере, на первом этапе увеличит расходы на нее), но и о желании как минимум сохранить вооруженные силы России в сегодняшнем небоеспособном состоянии.

Значительным направлением экономии средств федерального бюджета реформаторы называют реформу жилищно-коммунального хозяйства. То, что расходы на него осуществляются региональными бюджетами, а экономию планируется получать в федеральном, придает реформе изощренный иезуитский характер и позволяет обеспечивать экономию вне зависимости от реального уровня платежей населения. Механизм будет прост: федеральный центр будет сообщать регионам суммы средств, которые те должны дополнительно получить с населения (так в 1937 г. разверстывали по регионам план по выявлению «врагов народа» – тогда наличие этих врагов не интересовало никого так же, как сейчас никого не интересует наличие денег у населения), – и на эти суммы автоматически будут сокращаться объемы финансовой помощи соответствующим регионам.

Результатом станет крах региональных бюджетов и регионального жилищно-коммунального хозяйства: с одной стороны, средства населения недостаточны для того, чтобы удовлетворить аппетиты реформаторов (а выделенная ему помощь в размере 3 млрд руб. в год явно недостаточна), с другой – регионы лишатся части нужных средств.

Таким образом, долгосрочная бюджетная политика реформаторов, вопреки широковещательным заявлениям, привяжет бюджет к внешним выплатам и приведет страну к бюджетному, а затем, как водится, и политическому кризису.

Самое поразительное, что реформаторы отказываются от попыток списания внешнего долга и рассрочек платежей по ним. Поддавшись унынию после провала своей откровенно хамской кампании по невыплате долгов Парижскому клубу, теперь они отказались от всякой борьбы и решили безо всяких переговоров выплачивать все.

Разговоры о том, что нехватка средств может погашаться за счет еврооблигаций, ни на чем не основаны – их рынок не поддается четкому предсказанию, и бу-

дет ли он готов принять новые ценные бумаги России, не ясно. В ближайшие годы скорее нет, чем да – как справедливо отметила советник Дж. Буша по национальной безопасности К. Райс, наши реформаторы не представляют себе последствий их решения об объявлении дефолта в августе 1998 г. Политически же увязанные займы МВФ способны, как убедительно показала история 1995–1998 гг., привести только к катастрофе.

Однако отказ от попыток реструктурировать внешние выплаты – признак не просто некомпетентности реформаторов. Это еще одно проявление описанной выше политики, направленной на максимальное усиление оттока валюты из России, размывание ее золотовалютных резервов и, соответственно, подрыва конкурентоспособности.

1.2 Необходимость и невозможность структурных реформ

Помимо общих соображений, реализация описываемой политики неприемлема еще и потому, что уже в 2003 г. наша страна вступает в «трехлетку кризисов». В 2003 г. нас ожидает не только *пик выплат по внешним долгам* (до 18–19 млрд долл.), но и начало физического разрушения объектов социальной сферы в относительно слабо развитых регионах (то есть в большинстве их). Последнее вызвано жесткой политикой федерального центра, направленной на обеспечение политического контроля за губернаторами путем сокращения средств региональных бюджетов. На практике это оборачивается медленным финансовым удушением регионов и прекращением финансирования ряда важнейших направлений, включая и объекты социальной сферы.

В 2004–2005 гг. Россия столкнется с *физическим разрушением инфраструктуры*, в первую очередь, электроэнергетики и газовой промышленности, из-за длительного и невосполняемого износа их оборудования. Именно это явилось причиной устойчивой тенденции сокращения добычи газа, именно это сделало электроэнергетику единственной из основных отраслей промышленности, так и не оправившейся от последствий катастрофы 1998 г. (в 2000 г., несмотря на подъем экономики в целом, производство электроэнергии оставалось на 0,5 % ниже уровня «додефолтного» 1997 г.).

Помимо этого, просто в силу закономерностей развития технологий (не говоря уже об объявленном новой администрацией США «крестовом походе» за дешевую нефть) в 2002–2005 гг. *неизбежно падение мировых цен на нефть* до опасного для России уровня.

Эти проблемы (особенно на фоне угрожающего замедления развития) делают активизацию государства категорическим императивом не то что прогресса, но даже нашего выживания. Ведь все, что могло сделаться само собой или при помощи традиционных для наших реформаторов финансовых (преимущественно фискальных) рычагов, уже сделано. Экономика уперлась в структурные барьеры, преодолеть которые можно только за счет энергичной и осознанной деятельности государства.

Однако реализация назревших структурных реформ нынешним составом реформаторов по целому комплексу причин представляется практически невозможной.

Наиболее важна идеологическая причина. Экономическую власть в России захватили не обычные, а ультра-либералы, если можно так выразиться, «либеральные фундаменталисты» (Сорос назвал их «фундаменталистами-рыночниками»), которые рассматривают государство не как структурообразующий элемент рынка (как это принято в мире), но как его непримиримую противоположность.

Поэтому они в принципе не видят и не хотят видеть ситуаций, когда единственным инструментом обеспечения экономической свободы является государственное регулирование, – а практически все назревшие структурные проблемы относятся именно к этой категории ситуаций.

Вторая причина заключается в том, что, потеряв более полутора лет на интриги и оказавшееся бессмысленным программистство, либералы оказались перед политической необходимостью как можно быстрее продемонстрировать не важно, какой содержательно, но обязательно эффективный внешне результат. Чтобы удержаться у власти, им надо «красиво отрапортовать», – а необходимые экономике структурные реформы дадут значительно меньше поводов для скорых победных реляций, чем форсирование традиционных и проработанных еще в 1997 г. (хотя и абсолютно губительных для экономики, почему их так и не стали осуществлять тогда) либеральных реформ.

Наконец, существенную роль играет и организационный фактор. За десятилетие проведения либеральной экономической политики, использовавшей финансовые (преимущественно фискальные) рычаги и полностью забросившей структурные, практически все ведомства, не связанные непосредственно с исполнением бюджета, атрофировались и не способны обеспечивать сегодня исполнения государством своих обязанностей, прежде всего, в сфере структурной политики. Это делает необходимым элементом структурных реформ глубокую реорганизацию государства, включая правительство, политически и административно невыгодную для контролирующих его реформаторов.

1.3 Симуляция структурных реформ и третья волна либерализма

Реакция российских реформаторов на стоящие перед страной среднесрочные угрозы не менее примечательна, чем на краткосрочную проблему ускорения инфляции. Она восходит к печально известной стратегии Г. Грефа (разработанной, как хвастаются реформаторы, теми же самими людьми, которые готовили программу Е. Гайдара 1991–1992 гг. и программу «команды молодых реформаторов» 1997–1998 гг.). Правительство России отделалось в отношении этого документа бессмысленным «одобрением» и принятием на ее основе заслуженно забытой 17-страничной «среднесрочной программы», состоящей из бессвязных и бессодержательных лозунгов. Так никогда и не утвердив его и передав эту сомнительную честь Госсовету, из-за чего стратегия Г. Грефа так и не стала официальным документом, правительство, по-видимому, просто испугалось ответственности.

Надо признать – в этом документе было чего пугаться (приписываемое премьеру М. Касьянову высказывание в адрес этой программы «Гора родила мышь – хорошо, что не таракана» не совсем верно выражает ее значение). Основным и единственным подробно проработанным инструментом обеспечения экономического роста Г. Греф и компания считают сокращение государственных расходов – на четверть относительно сегодняшнего уровня, причем, как следует из текста и количественных оценок, в основном за счет социальных расходов. Устанавливается, что социальная помощь будет предоставляться только семьям с уровнем потребления ниже прожиточного минимума, причем отнюдь не для обеспечения этого минимума. Рассмотрение «социального дефолта» в качестве ключевого элемента программы придает ей характер **социального геноцида** и делает необходимым условием ее реализации установление диктатуры по образцу Пиночета.

Инвестиционная часть стратегии Г. Грефа традиционно либеральна и традиционно же беспомощна. Она заключается в автоматическом прекращении оттока капитала из страны за счет улучшения инвестиционного климата. Порочность этой идеи заключается в том, что при высоком оттоке капитала оздоровление инвестиционного климата традиционными либеральными рецептами невозможно (оно напоминает лечение таблетками головокружения, вызванного разрывом артерии). Оздоровить инвестиционный климат можно лишь структурными преобразованиями, частью отвергаемыми, а частью извращаемыми российскими либералами.

Принципиально отказываясь от необходимых мер (комплексная антимонопольная политика, декриминализация банкротства, судебная реформа и государственное гарантирование инвестиций в инфраструктуру), реформаторы сосредотачивают свое внимание либо на давно утративших актуальность (как банковская реформа), либо на политически нереализуемых (подобно введению земли в финансовый оборот) программах. Реальная проработка ведется лишь в отношении организации массовых банкротств, реформирования пенсионной системы и естественных монополий; в последнее время она дополнилась разговорами о реформе жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевым элементом либеральных программ стало беспощадное **банкротство** всего неплатежеспособного, что уцелело в стране (40 % предприятий промышленности). Чтобы понять, что за этим кроется, достаточно вспомнить, что большинство неплатежеспособных предприятий, которые можно было закрыть сравнительно безболезненно для общества, уже закрыты. Оставшиеся – преимущественно системы жизнеобеспечения, градообразующие и стратегические предприятия, а также предприятия, встроенные в технологические цепочки и являющиеся их необходимым элементом. Ликвидация этих предприятий будет означать и ликвидацию России, – но в правительстве нет специалистов, способных смотреть на мир реально, а не через призму либеральной идеологии.

Дополнительным аргументом в пользу этой программы (помимо получения 24 млрд руб. дополнительных доходов в бюджет за счет повышения собираемости налогов и выколачивания недоимки) станет задабривание Запада. В 2001 г. сальдо внешней торговли сократится, по оценкам руководителей Минфина, в полтора раза, до 40 млрд долл., что с учетом потерянного в 1999–2001 гг. времени не позволит подготовиться к кризисам 2003–2005 гг. Неспособность договориться с МВФ и Парижским клубом уже вызвала фактический пересмотр бюджета, который, став де-факто признанием правительством своей некомпетентности, явился первым дуновением политического кризиса, усиливаемого коррупционным антироссийским скандалом на Западе (неизбежным, даже если П. Бородин и не заговорит). В этих условиях улучшение отношений с развитыми странами станет необходимостью – и радикализация реформ, пусть даже губительная для России, может, как это не раз уже бывало, стать разменной монетой, необходимой для получения новых займов и спасения российской элиты от уголовных преследований по громким коррупционным делам.

Пенсионная реформа, разработанная нынешним заместителем Г. Грефа М. Дмитриевым еще во время его работы в московском офисе американского Центра Карнеги, в принципе не ставит главный вопрос – о том, в какие финансовые инструменты будут вкладывать пенсионные фонды собранные с населения

деньги. Отсутствие ответа на него, равно как и принципиальное отсутствие государственной защиты пенсионеров от мошенничества, объективно делает пенсионную реформу прелюдией к еще одной грандиозной афере по типу МММ.

Реформа естественных монополий проводится под диктовку их руководителей, в первую очередь, А. Чубайса, ближайший советник которого, печально известный Е. Гайдар до сих пор остается «мозгом» правительства реформаторов. Немудрено, что все варианты реформы нацелены на интересы руководителей монополий, а не страны, и сводятся к бесконечному механическому повышению тарифов (с мая 2000 г. только на электроэнергию они выросли более чем в 1,6 раза!) и снятию ответственности с «последних олигархов».

При этом реформаторы последовательно игнорируют целый ряд вполне естественных и самоочевидных требований здравого смысла. Так, не может вызывать сомнений необходимость обоснования реформы. Надо понимать, что и зачем будут делать с естественными монополиями. Недопустима ситуация, когда идея о разделении РАО «ЕЭС России» пропагандируется без внятного описания распределения между новыми компаниями финансовых потоков и, соответственно, инвестиционных ресурсов. Еще при разукрупнении предприятий в 1992–1994 гг. эта ошибка привела к уничтожению многих из них.

Суть идеи А. Чубайса в том, что государство контролирует распределительные сети, а генерирующие мощности, в которых и сосредоточены проблемы энергетики, постепенно распродаются. В результате ответственность за обеспечение той или иной территории энергией будет нести не РАО «ЕЭС России», а частный и, как правило, иностранный инвестор.

Отстаиваемая правительством реформаторов программа реформ естественных монополий игнорирует целый ряд их самоочевидных особенностей. Главное состоит в том, что естественные монополии – структурообразующие элементы экономики, обеспечивающие к тому же единство страны. Это не субъекты рынка, но его основа. Это поле, а не футболисты. Главная функция естественных монополий – обеспечение остальной экономике условий развития. Поэтому объективная цель государства – минимизация тарифов при достаточной надежности. Сами естественные монополии не понимают этого: так, устав РАО «ЕЭС России» определяет ее цель как максимизацию прибыли.

Реформа естественных монополий не должна вести к разрушению единства технологического комплекса, так как это приведет к опасному для всей страны падению их эффективности.

Важно понимать, что рост тарифов означает подрыв конкурентоспособности страны (поэтому ее стратегические конкуренты на Западе и поощряют стремление повысить тарифы под видом реформ). Главный критерий эффективности реформы заключается в том, приведет ли она «при прочих равных условиях» к повышению тарифов и к подрыву модернизации России или же она стабилизирует тарифы и станет основой роста (как в 1999–2000 гг.).

Принципиально, что первым шагом должно стать обеспечение полной финансовой прозрачности как самих естественных монополий, так и аффилированных с ними структур в России и за рубежом. Без этого нельзя понять, как устроена реформируемая естественная монополия. Более того: условием любого роста ее тарифа должна стать полная финансовая прозрачность. Нельзя проводить реформы «вслепую». Последствия «преобразований ради преобразований» по принципу «семь раз отрежь, один раз отмерь» хуже любой монополии.

Чтобы оценить их более полно, достаточно провести немудреный мысленный эксперимент. Представьте, что вы с завязанными глазами входите в трансформаторную будку, находящуюся под напряжением, и начинаете ее коренным образом реформировать. Ваши приключения внутри нее могут быть самыми захватывающими и разнообразными, но конечный результат, как представляется, не вызывает сомнений.

Более строгий пример – в очередной раз разрекламированная недавно **реформа жилищно-коммунального хозяйства**. Заявление председателя Госстроя А. Шамузафарова, что уже в 2002–2003 гг. население должно будет оплачивать коммунальные услуги на 100 %, не содержит и намека на необходимое оздоровление жилищно-коммунальных служб. Это значит, что неэффективность и монопольный произвол последних будут не преодолеваться государством, но, как и прежде, оплачиваться населением – только во все возрастающих масштабах.

Выбирая между назревшими структурными реформами и привычной фискальной политикой образца 1995–1998 гг., правительство, вдохновляемое советником президента России по экономике, все более решительно склоняется к курсу, приведшему к краху 1998 г.

Между тем рост тарифов без оздоровления управления, в том числе жилищно-коммунальным комплексом, – бессмыслица: чем больше денег получит эта монополия, тем хуже она их потратит. Механическое повышение коммунальных тарифов будет такой же капитуляцией правительства перед монополиями, как и неуклонный рост тарифов естественных монополий без обеспечения их финансовой прозрачности. Оздоровление комплекса, как и любой монополии, возможно не за счет повышения тарифов, но роста эффективности управления и снижения затрат, – а об этом правительство даже не упоминает.

Энергетическая катастрофа в Приморье, на которую оно ссылается, – не основание для роста тарифов. Ее локальность доказывает, что она вызвана именно управленческими (помимо отработки механизма устранения неугодного центру губернатора) причинами. В самом деле, – достаточно вспомнить, как плата за электроэнергию собиралась во Владивостоке двумя энергетическими компаниями, каждая из которых отрицала права другой, а заместитель А. Чубайса публично извинялся перед приморцами за ошибки, допущенные при оценке потребности Приморья в энергии. Министр же финансов А. Кудрин и вовсе писал в отчете за первую половину 2000 г., что из-за ошибок в расчетах Минфина (специалисты которого «забыли» о таком явлении, как рост цен на топливо) бюджетникам, чтобы не замерзнуть, понадобится дополнительно 9 млрд руб., но Минфин, только в первом полугодии собравший 158 млрд руб. дополнительных доходов, из которых 12 млрд так ни на что и не были потрачены, не будет исправлять свои ошибки и предоставлять бюджетникам необходимые для их выживания средства.

Усиление финансового давления правительства на население – попытка компенсировать свою неэффективность ограблением людей.

Конечно, обещание субсидий бедным утешает, но никто не делает ни малейшего намека на то, какой будет черта бедности. В стратегии Г. Грефа она проводилась по прожиточному минимуму. Такое субсидирование способно лишить права на жилье и превратить в бомжей десятки миллионов россиян. Если же поддержку будут получать не нищие, а просто бедные люди, то обещанных и, вероятно, «взятых с потолка» 3 млрд руб. (менее 9 руб. в месяц на нуждающуюся семью) гарантированно не хватит. Тогда, как это было еще в 1997 г.

с «адресностью социальной помощи», затея просто потеряет смысл: расходы на проверку уровня потребления и расширение сети собесов «съедят» экономию от полной оплаты коммунальных услуг малой (около 20 %) частью обеспеченных россиян.

Гораздо эффективней и справедливее установить, что владельцы элитного жилья уже сейчас должны оплачивать коммунальные услуги полностью. Но это неприемлемо для реформаторов, желающих оплачивать услуги на ту же часть, что и обитатели бараков, а деление плательщиков на богатых и бедных кажется ультралибералам «социализмом».

Намерение форсировать жилищно-коммунальную реформу за счет населения, без роста эффективности управления – глупость. Как и другие меры, готовящиеся в рамках «третьего этапа либеральных реформ» (первый обернулся национальной катастрофой 1992 г., а второй – 1998 г.), она ведет лишь к дискредитации президента и новому политическому кризису, как будто реформаторам мало тех сугубо экономических проблем, которые ждут нас в 2003–2005 гг.

Раздел 2. Непонятность внешнего мира

2.1 ВТО – «новое платье короля»

Реформирование России началось десять лет назад и идет по сей день под знаменем преодоления изоляции, доставшейся в наследство от СССР, и возвращения в мировую цивилизацию, что в экономическом плане означает интеграцию в мировую экономику. Горький опыт слепого идеологизированного отказа от естественных конкурентных преимуществ, приведших к гибели целых отраслей и безнадёжному прозябанию десятков миллионов наших квалифицированных сограждан, предостерегает от чрезмерной спешки.

Да, всякая попытка самоизоляции в эпоху глобализации есть попытка суицида. Но раскрытие заведомо неконкурентоспособных отраслей и регионов перед жесточайшей и неуклонно обостряющейся глобальной конкуренцией – не меньшее безумие. Путь в будущее лежит для России через интеграцию, через воссоединение с развитой частью человечества, но идти по этому пути надо с открытыми глазами, – только так можно пройти его, не сломав себе шею. И каждый шаг на этом пути надо кропотливо готовить, ибо он будет оправдан, лишь если приносимые им выгоды превысят его издержки не только в краткосрочном, но и в средне- и, что самое важное, в долгосрочном плане.

ВТО (Всемирная торговая организация) нацелена на обеспечение максимальной конкуренции в международной торговле. В условиях глобализации эта благая цель объективно подрывает конкурентоспособность большинства неразвитых стран, лишая их не просто доходов, но самой возможности развития. Это делает ВТО, наряду с МВФ, одним из основных предметов недовольства стран «третьего мира» и «фирменной» мишенью антиглобалистского движения, которое и проявилось-то именно в ходе срыва саммита ВТО в Сиэттле в декабре 1999 г.

Срыв этого саммита создал двухлетнюю паузу в ужесточении условий ВТО, дав России возможность вступить в нее до декабря 2001 г. В результате осознания этого переговоры о вступлении в ВТО, тянувшиеся со времени принятия решения о его создании, резко ускорились и практически вышли на финишную прямую,

став одним из неформальных приоритетов правительства реформаторов. По мнению первого заместителя министра экономического развития и торговли России М. Медведкова, Россия станет членом ВТО к концу 2001 г.

Если отбросить идеолого-шаманские заклинания (типа «возвращения в мировую цивилизацию» или «к общечеловеческим ценностям», не говоря уже о вульгарном и действенном «чем мы хуже Гондураса»), с собственно экономической точки зрения аргументы сторонников прорыва в ВТО сводятся к тому, что это позволит России снизить потери экспортеров от антидемпинговых преследований, вписать ряд предприятий в мировые технологические цепочки и более надежно защищать интеллектуальную собственность.

Проще всего обстоят дела с последней: пока российское патентное дело останется на пещерном уровне, государственная защита российской интеллектуальной собственности за рубежом невозможна, и вступление в ВТО ситуации не улучшит. Реально оно лишь усилит защиту иностранной интеллектуальной собственности в России, то есть качественно повысит расходы на продукцию глобальных монополистов типа «Майкрософт», продаваемых по монополюно завышенным ценам. Конечно, это необходимо – но стоит ли торопиться? И, может быть, разумней сначала обуздать транснациональных монополистов, непосредственно виновных в появлении массовой «контрафактной» продукции?

О возможностях встраивания российских предприятий в транснациональные технологические цепочки вообще не известно ничего конкретного. Не вдаваясь в дискуссии о том, выгодно ли это России (с одной стороны, производство будет загружено, с другой – в стране будет оставаться только зарплата), отметим: современные ТНК достаточно мощны, чтобы и без ВТО обеспечить свои интересы в нужных им регионах и предприятиях. Те сотни российских предприятий, технологический уровень и профиль которых соответствует потребностям транснациональных корпораций, так или иначе уже включены в их состав. Понятно, что вступление или не вступление России в ВТО не сможет серьезно изменить потребности ТНК.

Таким образом, бесспорный аргумент в пользу «рывка в ВТО» лишь один – антидемпинговые расследования. Потери российских экспортеров от них оцениваются в 2000 г. 2,5 млрд долл. – фантастический показатель... если не сравнивать его с объемом экспорта – более 100 млрд долл. 2,5 % – это много, но не настолько, чтобы делать их получение одним из приоритетов государственной политики. Простое сокращение чуть более, чем вдвое невозврата экспортной выручки (оцениваемого в 2000 г. в 4,3 млрд долл.) в финансовом отношении сделает вступление России в ВТО избыточным.

Таким образом, аргументы за вступление России в ВТО носят идеологический характер. Анализ экономических условий показывает: **вступление России в ВТО в 2001 г. – непростительная роскошь.**

Согласно общему правилу, многократно и всесторонне подтвержденному мировой практикой, в страну с относительно неблагоприятным инвестиционным климатом (а относительно США, Ирландии, Сингапура, Канады и некоторых других таковым обладают все остальные, а не только холодная и бюрократическая Россия), инвестиции в массовом порядке приходят, только если в нее не могут прийти товары.

Мы своими глазами видим, что российский авторынок проще осваивать, инвестируя в строительство заводов в Узбекистане, Чехии и Германии, рынок бытовой

электроники – в предприятия Юго-Восточной Азии, рынки качественной сантехники и обуви – в предприятия Европы. Исключения локальны и лишь подтверждают правило. Между тем вступление в ВТО открывает внутренний рынок именно для товаров, таким образом, закрывая его для инвестиций. Вступление в ВТО исключает возможность значимых инвестиций еще и потому, что оно искореняет «принуждение к инвестициям», под которое попадает более 80 нормативных актов, включая освобождение от налога на прибыль части инвестируемых средств.

С учетом этого просто забавны заклинания наших либеральных радетелей, толкающих Россию в ВТО. По их мнению, вступление в ВТО нужно потому, что наша промышленность потребляет много импортных комплектующих и потому страдает от импортных пошлин. В одном они правы: после вступления в ВТО промышленность действительно перестанет страдать, и не только от пошлин. Как говорят, «отмучается».

Именно дилемма «либо товары, либо инвестиции» является причиной общеизвестного, но замалчиваемого нашими либералами феномена – резкого замедления развития после вступления в ВТО. В 2001 г. рост ВВП и так затормозится почти в 2 раза, – мы что, в 2002 г. хотим свести его до нуля, а то и вернуться в экономический спад?

Однако, даже если в порядке интеллектуального эксперимента предположить, что с чисто экономической точки зрения позитивные и негативные последствия вступления в ВТО для сегодняшней России уравниваются друг друга, оказывается, что наше государство не приспособлено к требованиям этой международной организации.

Россия в принципе не применяет таких почти повсеместно распространенных инструментов защиты рынка, как нетарифные ограничения торговли товарами (в одной из первых редакций своей стратегии Г. Греф вообще пытался запретить любые нетарифные ограничения). Из примерно полутора сотен видов услуг Россия защищает свой рынок по считанным направлениям (наиболее известны баталии вокруг банковских, страховых и пенсионных услуг). Экономические «гуру» либералов заявляют, что низкий курс рубля защищает рынок надежнее любых осознанно применяемых инструментов – хотя в 2000 г. реальный курс рубля вырос более чем на 15 %.

В этих условиях вступление в ВТО не просто лишит Россию общепринятых и необходимых инструментов защиты рынков. Наша страна окажется в положении, когда любое ухудшение конъюнктуры вынудит ее либо со скандалом выходить из ВТО, чтобы поддержать свою конкурентоспособность, либо идти на подрыг последней, экономический кризис и новую разрушительную девальвацию.

Однако вступление в ВТО требует от страны наличия не только цивилизованного регулирования внешней торговли, но и значительной подготовительной работы, которую в оставшиеся месяцы нельзя успеть выполнить по чисто техническим причинам (даже без учета глубокого разложения государственного аппарата).

Вступая в ВТО, каждая страна согласует график приведения своего внешнеторгового режима в соответствие с его достаточно жесткими правилами. Чтобы продлить этот период и сделать процесс вступления максимально комфортным, большинство стран перед этим вступлением старается ужесточать защиту рынков. Россия же поступила наоборот: средневзвешенный импортный тариф был снижен с 16 % в 1999 г. до 10 %, а с учетом льгот – и до 8 %. Если Россия вступит в ВТО на этих

условиях, она уже никогда не сможет повысить импортные тарифы, даже если ухудшение конъюнктуры создаст категорическую необходимость этого. Более того: она никогда не сможет заменить действующие сегодня варварские и стихийные механизмы защиты внутреннего рынка (девальвация, перекрестное субсидирование, коррупция и бюрократия) цивилизованными и прозрачными.

Преградой на пути в ВТО является и полное отсутствие всякого представления об отраслевых приоритетах. Само понятие «промышленной политики» не используется в программных документах правительства (что делает необходимым ликвидацию за ненадобностью Минпромнауки, главной обязанностью которого является разработка этой политики). Отсутствие приоритетов делает осмысленные переговоры с ВТО попросту невозможными, так как никто не знает, какие отрасли будут развивать, а какие нет и, соответственно, какие отрасли нужны, и их надо защищать, а какими можно пожертвовать.

Жизненно необходимые не то что для развития, а даже для простого существования России трансферты регионам и низкие относительно мировых тарифы на услуги естественных монополий с позиций ВТО могут рассматриваться как субсидирование экспорта, что сделает необходимым их отмену в течение нескольких лет – и разрушение экономики. На объяснение же реального и необходимого характера этих инструментов потребуются годы, которых нет у людей, стремящихся вступить в ВТО уже в декабре 2001 г.

Кроме того, вступление в ВТО потребует изменения многих законов – с непредсказуемыми последствиями. Достаточно сказать, что в соответствие с ее правилами Таможенный союз стран СНГ скорее всего придется распускать.

Таким образом, с точки зрения развития и сегодняшнего состояния России стремление в ВТО является извращенной формой суицидальных наклонностей. Однако ясно, что при анализе тех или иных форм сотрудничества с внешним миром надо исходить из тенденций развития не только России, но и мира. Может быть, аргументы за скорейшее вступление отыщутся в этой сфере?

ВТО ориентирована на глобальную интеграцию, – а в мире все большее значение приобретает интеграция региональная. Два ее центра – НАФТА (североамериканская зона свободной торговли, объединившая США, Канаду и Мексику) и Евросоюз – в ближайшем будущем могут быть дополнены Юго-Восточной Азией. В этих условиях развитые страны все больше ориентируются на интересы региональной интеграции, зачастую скрыто или даже явно саботируя деятельность и решения ВТО. США стараются как можно быстрее затянуть Россию в ВТО именно для того, чтобы не дать ей войти в экономическую «орбиту» Евросоюза.

В результате, излишне поторопившись, Россия может «вскочить в отцепленный вагон»: вступить в ВТО именно тогда, когда развитые страны (в первую очередь, Евросоюз, в который идет 35 % экспорта России и с рынками которого связаны основные надежды на вступление в ВТО) начнут пренебрегать ее правилами, усиливая региональный протекционизм. В итоге мы понесем убытки от открытия перед глобальной конкуренцией, но не приобретем выгод, – нас все равно не пропустят на рынки развитых стран, ибо те начнут «играть уже в другую игру». По китайской поговорке, «политика открытых дверей значит, что дверь будет открыта в ту или другую сторону, но никогда в обе одновременно».

Ситуация усугубляется постепенным вступлением в Евросоюз стран Восточной Европы (это еще 15 % российского экспорта), что затруднит российским производителям доступ на их рынки.

Прорыв в ВТО, увеличивая импорт при в лучшем случае стагнации экспорта, ввергнет Россию в валютный кризис. Внешние выплаты и рост импорта размоют золотовалютные запасы и, по оценкам, уже в 2003 г. сократят их до уровня, делающего неизбежной масштабную и разрушительную девальвацию, которая еще в большей степени, чем в 1998 г., создаст угрозу существованию нашей страны. Альтернатива одна – новые внешние займы, которые могут быть обусловлены только полным отказом от политической и экономической самостоятельности (зарубежные эксперты уже обсуждают возможности отчуждения полезных ископаемых Сибири и Дальнего Востока, а также отказ от обращения рубля в пользу доллара, как это обсуждалось в Аргентине и Эквадоре).

Изложенное доказывает: вступление в ВТО в 2001 г. создаст неприемлемые угрозы не то что экономической безопасности, а самому существованию нашей страны. Это тот случай, когда спешка может не столько насмешить, сколько погубить миллионы людей. Мы должны не спешить, не хвататься за мифические «палочки-выручалочки», не пытаться перескочить через ступени исторического развития.

2.2 Капитал бежит от неэффективного государства

Неофициальный отток (бегство) капитала из России – одна из наиболее острых проблем страны, убедительный достоверный индикатор ее действительного состояния. Только за 1994–2000 гг. отток составил 127,9 млрд долл (табл. 1). Вся программа Г. Грефа – предвкушение, как будет прекрасно, если этот процесс вдруг прекратится.

Однако предварительные итоги 2000 г., оцененные по платежному балансу первых трех кварталов, свидетельствуют о провале государственной политики. Несмотря на замедление утечки капитала во втором и третьем кварталах (3,9 и 4,9 млрд долл. соответственно против 7,7 млрд долл. в первом квартале), отток капиталов за три первых квартала 2000 г. составил 16,5 млрд долл., что сопоставимо с его масштабами за весь 1999 г. (18,2 млрд долл.).

Если в третьем квартале 1999 г. наблюдалось сокращение бегства капитала более чем на четверть по сравнению со вторым кварталом того же года (с 3,9 до 2,9 млрд долл.), то в 2000 г. за тот же промежуток времени оно, напротив, выросло более чем на четверть – с 3,9 до 4,9 млрд долл. В результате в третьем квартале 2000 г. неофициальный отток капитала превысил прошлогодний уровень почти в 1,7 раза.

Если в 1999 г. утечка капитала сократилась на 24,8 %, то в 2000 г. она практически вернулась на катастрофический уровень 1998 г., составив, по оценке, 24,0 млрд долл. (на 21,2 % выше уровня «додефолтного» 1997 г.).

В 2000 г. был, как представляется, экспериментально доказан теоретический тезис, что усиление административного контроля не остановит утечку капитала, но лишь направит ее по новому руслу.

Так, при практической стабилизации неофициального оттока капитала по «серым», частично прозрачным для государства каналам (просроченная задолженность иностранных фирм за первые три квартала 1999 г. выросла на 5,6, а за первые три квартала 2000 г. – на 5,4 млрд долл., а невозврат экспортной выручки и фиктивный импорт составил соответственно 3,8 и 3,7 млрд долл.) произошло резкое, скачкообразное увеличение его бегства по «черным», полностью непрозрачным для государства схемам. Отрицательное сальдо оттока и притока средств по ним, отражаемое в статье платежного баланса «чистые ошибки

Таблица 1 Неофициальный отток капитала из России, млрд долл.

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000 (оценка)
Сальдо внешней торговли	10,5	10,7	17,1	11,1	12,9	32,0	58,0
Просроченный долг иностр. получателей ссуд и займов	12,8	10,6	9,5	3,0	7,4	5,8	нд
Невозврат экспортн. выручки и непогаш. импортн. авансы	4,1	5,2	10,1	11,6	8,0	5,1	нд
Чистые ошибки и пропуски	0,3	8,1	5,0	5,2	8,8	7,3	нд
Итого	17,2	23,9	24,6	19,8	24,2	18,2	24,0
Неофициальный отток, %% к сальдо внешней торговли	163,8	223,4	143,9	178,4	187,6	56,9	41,4

Источник: Центробанк РФ, версия платежных балансов по состоянию на 1 февраля 2001 г. (указание на дату необходимо вследствие корректировок платежных балансов прошлых лет).

и пропуски», за первые три квартала 2000 г. составили 7,4 млрд долл. (что выше уровня аналогичного периода 1999 г. в 2,4 раза) при уровне всего 1999 г. в 7,5 млрд долл. Такое увеличение не смогло компенсировать даже сокращение прироста просроченных долгов инофирм с 3,8 млрд долл. в первом квартале до 0,7 млрд долл. во втором и 0,9 – в третьем квартале.

Это отражает диверсификацию потоков капиталов: в то время как одни финансовые группы возвращают средства в страну, другие эвакуируют активы. Уже в 2001 г. эта тенденция может жестоко углубить диверсификацию политики государства в отношении различных групп капитала. Главная его причина – пренебрежение правительством насущными проблемами структурных реформ. Правительство не только не выработало внятную стратегию развития, но даже не утвердило разработанные им же программы Грефа реструктуризации МПС и РАО «ЕЭС России» (несмотря на все их недостатки, оно не смогло довести до логического завершения даже их рассмотрение). Именно из-за недееспособности правительства экономика не смогла впитать всю качественно возросшую экспортную выручку и выталкивала ее из страны.

Несмотря на это, доля утечки капитала в положительном сальдо внешней торговли (выросшем за рассматриваемый промежуток времени с 19,9 до 38,9 млрд долл., то есть почти вдвое) сократилась с 62,8 % за первые три квартала 1999 г. до 42,4 % за аналогичный период 2000 г. Это значит, что активность бизнеса компенсирует недееспособность государства и оставляет на Родине все большую часть валютной выручки. Таким образом, отток капитала, несмотря на рост в абсолютном выражении, по отношению к притоку средств в Россию снижается.

Это порождает надежду, однако стихийная репатриации российских капиталов без разумных структурных реформ, включающих обуздание тотального произвола монополий (как естественных, так и обычных) и надежную защиту собственности, никогда не возобладает над их бегством. В условиях поистине брежневского потока нефтедолларов масштабы последнего не страшны, но они станут непосильными уже в близком будущем, когда нефтедоллары начнут иссякать.

2.3 Почему Германия обиделась, когда Россия решила заплатить ей

«Ошибка-2001» является не менее яркой и убедительной иллюстрацией безответственности и безграмотности российских реформаторов, чем даже дефолт августа 1998 г. Правительство, разрекламировав разработанный им федеральный бюджет 2001 г. как полностью сбалансированный и профицитный, умудрилось не включить в него три четверти предстоящих (и согласованных не далее как в 1999 г.) выплат Парижскому клубу на общую сумму 3,2 млрд долл. Более того: несмотря на полное фиаско с привлечением заложенных в бюджет внешних займов в 1999 и 2000 гг., правительство вновь предусмотрело их в значительном объеме – на 5 млрд долл.

Наиболее вероятно, что правительство пыталось вернуться к наивному шантажу в стиле А. Чубайса, при котором реформаторы закладывали в бюджет желаемый объем западных кредитов и затем выкручивали руки МВФ, шантажируя его замедлением реформ и опасностью победы коммунистов. Российские либералы «третьей волны» не учли, что отношение к ним на Западе после дефолта 1998 г. (и интервью А. Чубайса американским СМИ, в котором он признал, что сознательно обманывал своих западных партнеров) катастрофически изменилось. Кроме того, слишком многие в развитых странах поняли, что реформы не самоцель, и что они вредны, если ведут к уничтожению России.

В этих условиях требование реструктуризации выплат, не подтвержденное какими-либо обоснованиями и исходящее от тех самых руководителей России, которые только что хвастались ее небывало хорошим экономическим положением, выглядело откровенным хамством – да, собственно говоря, и являлось им.

Дополнительные проблемы создало для российского руководства сознательное нарушение устоявшихся правил реструктуризации внешнего долга, по которым страна-должник сначала должна получить согласие у МВФ (продемонстрировав ему проработанную политику восстановления платежеспособности), затем – у кредиторов-государств (в случае России они объединены в Парижский клуб) и только в последнюю очередь – у коммерческих кредиторов (Лондонский клуб).

Руководство России в конце 1999 – начале 2000 г. не имело проработанной экономической политики (как, собственно, не имеет ее и в начале 2001 г.), так что говорить с МВФ ему было решительно не о чем. Это закрывало традиционный путь переговоров, в то время как основному кандидату на пост премьера М. Касьянову нужно было любой ценой добиться успеха, который подтвердил бы его репутацию незаменимого переговорщика. В результате он, нарушив все правила, договорился (на значительно худших условиях, что позволило спекулянтам заработать на двукратном скачке котировок российских долгов огромные деньги) с кредиторами «последней руки» – с Лондонским клубом, обидев тем самым МВФ и Парижский клуб и затруднив себе все контакты с его членами в будущем. Более того: правительство России не просто «обошло» их, но еще и усугубило их негативную реакцию, попытавшись навязать им условия реструктуризации, согласованные с Лондонским клубом.

Все перечисленные факторы исключили возможность соглашения о реструктуризации. Предвидеть это было легко – и Минфин «стерилизовал» рублевые средства на бюджетных счетах, вероятно, не без мысли о возможности использования их для внешних выплат (что эта мысль не преобладала, дока-

зал февраль 2001 г., когда остатки бюджетных средств было решено использовать лишь на одну треть).

Так или иначе, но Минфин аккумулировал на бюджетных счетах почти все средства, нужные для не предусмотренных в бюджете-2001 выплат Парижскому клубу (рублевый эквивалент 2,5 млрд долл.), еще в ноябре 2000 г. Таким образом, Россия не просто имела деньги для этих выплат – она уже подготовила их, причем такие выплаты не нарушили бы бюджет (так как не предусмотренные в нем выплаты проводились бы из не предусмотренных же в бюджете средств). Уменьшение золотовалютных резервов Центробанка, которое наблюдалось бы при таких выплатах, было бы замаскировано притоком средств от положительного сальдо внешней торговли, растянуто во времени и, главное, четко мотивировано, так что не вызвало бы паники. Правительству не пришлось бы идти на получение кредитов у Центробанка, что является признаком кризиса, равно как и на изменение бюджета (выколачивание лишних доходов и сокращение дополнительных расходов). Однако нежелание признавать допущенную ошибку (за чем вполне могли последовать организационные выводы) и, наконец, просто платить деньги обрекли правительство на крайне жесткую и политически невыгодную позицию. Самое удивительное, что оно чуть было не достигло успеха.

Обострение стратегической конкуренции США с Европой, выразившееся в срыве плана создания европейских сил быстрого развертывания и ответном скандале вокруг обедненного урана, заинтересовало Европу (в первую очередь, локомотив европейской интеграции – Германию) в стратегической политической привязке России к себе, в том числе и в обмен на некоторую рассрочку платежей.

Возможно, некая принципиальная договоренность такого рода была достигнута в ходе визита Г. Шредера в Москву. Косвенным подтверждением стало то, что, несмотря на внешнюю неурегулированность конфликта, немцы не отказались от предоставления России гарантий по линии «Гермес», хотя их сокращение намного более болезненно для России, чем для немецкого бизнеса, и служит поэтому действенным инструментом влияния.

Вместе с тем договоренность между лидерами неминуемо носит принципиальный политический характер. Конкретная ее реализация была связана с огромным количеством серьезных трудностей (например, как объяснить капитуляцию перед российским шантажом партнерам Германии по Парижскому клубу и европейским налогоплательщикам), что делало договоренность хрупкой и уязвимой.

В принципе, отвлечение Германии на сотрудничество с Россией может быть даже выгодно США, так как распыляет ресурсы объединенной Европы и отвлекает их от «финансовой войны» с США, практически неизбежной в 2001 г. (скорее всего – во второй половине, в преддверии введения наличного евро, которое создаст тенденцию к сокращению масштабов обращения доллара США и, соответственно, подстегнет долларovou инфляцию).

«Спусковым курком» этой войны может стать крах второй экономики мира – Японии, вероятность которого нарастает. После вызванного этим (и уже начавшегося) «проседания» экономик Юго-Восточной Азии Европа и США будут стараться спихнуть основную часть негативных последствий этого «проседания» друг на друга. Вероятно, успех будет сопутствовать США, так как они воспользуются удешевлением японских и азиатских активов и активизируют их скупку, устанавливая контроль над значительными фрагментами экономик этих стран (не-

сколько лет назад американцы «распечатали-таки» японский рынок и начали, хотя и медленно, приобретать японские активы, расположенные в Японии).

Однако понятно, что любой факт расширения европейского влияния и тем более возникновение европейско-российского стратегического союза, объективно направленного против основного стратегического конкурента – США – не мог не встречать энергичного противодействия последних. Вероятно, именно это было ключевой причиной выступления последовательно отстаивающего интересы США А. Илларионова, действовавшего якобы от имени В. Путина и фактически аннулирувавшего договоренности с Германией, если они, конечно, имели место. Необъяснимое с точки зрения логики гневное заявление К. Кох-Везера о нецивилизованном поведении России на следующий день после пресс-конференции А. Илларионова (когда наши чиновники заявляли, что не будут платить, Министр финансов Германии молчал) и о возможном ее исключении из «большой восьмерки» представляется наиболее разумным трактовать именно с точки зрения поставленной под сомнение российско-германской договоренности.

2.4 Новые отношения с США: отсутствие стратегического подхода

На сегодняшний день США производят 30 % мирового ВВП, их граждане и корпорации владеют около 55 % мирового имущества (по рыночной стоимости ценных бумаг), их ученые разрабатывают около 80 % новых технологических принципов, которые потом становятся основой применяемых человечеством технологий. В то же время доля России в мировой экономике составляет (по рыночному курсу валюты, без учета паритета покупательной способности, который скрывает страновые риски и потому не должен применяться при сопоставлении вклада в мировое производство) лишь 0,65 %.

Разрыв усилился и приобрел не просто окончательный характер в последнее десятилетие, когда развитые страны и, в первую очередь, США совершили резкий рывок вперед, а Россия в результате либеральной экономической реформы – столь же резкий «рывок назад». Значительное охлаждение в отношениях, начавшееся с разоблачения в 1997 г. роли США в выкармливании «демократической коррупции» в России, подстегнутое агрессией США и их партнеров по НАТО против Югославии и усиленное постдефолтной «усталостью от России» в США, имеет и более фундаментальную основу – обоюдное осознание крайней ограниченности «поводов для сотрудничества».

Действительно, после того, как Запад заплатил сначала СССР за отказ от угрозы ядерной катастрофы, уход из Восточной Европы и отказ от чужеродной для развитых стран идеологии, а потом России – за уничтожение Советского Союза, отказ от использования своих конкурентных преимуществ (путем ухода с внешних рынков сложной продукции, уничтожения технологий и маргинализации десятков миллионов квалифицированных работников) и превращения в финансово-интеллектуальный и уже только потом сырьевой придаток развитых стран, возможности конструктивного взаимодействия приблизились к исчерпанию.

Результаты напряженных поисков этих возможностей, предпринятых столь различными политиками, как советник президента США по национальной безопасности К. Райс и последний руководитель Госплана СССР, первый вице-премьер в правительстве Е.М. Примаков, а ныне председатель комитета Госдумы по промышленности Ю.Д. Маслюков, в своей скудной определенности практически совпадают. Это ядерная безопасность, совместная борьба с коррупцией, «отмыва-

нием денег» и оргпреступностью, а также темпы и содержание российских экономических реформ в привязке к смягчению графика внешних выплат. В остальных сферах интересы стран настолько различны, что практически не оставляют места не только для компромисса, но даже для заинтересованного конструктивного обсуждения. Но даже и по этим направлениям американцы будут действовать, исходя только из своих интересов, без учета интересов качественно более слабого партнера. США понимают только один язык – язык силы, и им просто не о чем разговаривать с теми, кто не может им угрожать.

Даже по перечисленным направлениям относительно конструктивного взаимодействия новая администрация США относится к нашей стране не нейтрально, но с глубокой внутренней враждебностью и настороженностью. В любых действиях России, в любой информации о ней она будет искать прежде всего подтверждения своим страхам и подозрениям, оправдания своей враждебности и повода для применения жестких мер. Как и раньше, *России не стоит надеяться на справедливое отношение со стороны США.*

Как последняя сверхдержава США нуждаются во враге, чтобы, предоставляя защиту от реальной или мнимой военно-политической угрозы, заставлять своих партнеров (прежде всего в Европе) смягчать экономическую конкуренцию. С другой стороны, республиканцы исторически привыкли осознавать себя именно в противостоянии некоей спланиваемой внешней опасности. Главным кандидатом на роль такого «идеального врага», безопасного (чего нельзя сказать о более серьезном стратегическом конкуренте США – Китае), но все еще авторитетного, является Россия.

Значительную роль в укреплении негативного отношения к России играет память о глобальной неудаче – совершенно явном и совсем недавнем провале цивилизаторской миссии Запада. По мнению К. Райс, он потратил 50 млрд долл., но не смог тем не менее установить прочный контроль за Россией. «Эти деньги исчезли, испарились». Помимо прочего, республиканцы просто боятся, что в случае позитивного сотрудничества с Россией они тоже потерпят неудачу и тоже, как демократы, станут мишенью для критики.

И совсем глубоко под всем этим запрятан глубинный страх перед возрождением конкурента. Именно поэтому американцы так резко реагируют на все проявления укрепления России, начиная с полетов президента на истребителе и кончая ростом золотовалютных резервов. Именно поэтому генерал К. Пауэлл, назначенный госсекретарем (и вполне серьезно разъяснивший дипломатам в духе раннего генерала А. Лебеда, что будет заставлять отжиматься от пола тех из них, кто будет плохо справляться со своими обязанностями), официально отрицает саму возможность существования каких-либо национальных интересов России на территории бывшего СССР.

С более фундаментальной точки зрения, негативное отношение нового руководства США к России – закономерный результат позиционирования американского общества в современном мире. США объединены стремлением к «всеобъемлющей безопасности», которая включает в себя защищенность не только и не столько от конкретных угроз (вроде террористических актов), сколько от малейшего дискомфорта, малейшей особенности, существующей за их пределами. Такое понимание безопасности диктует им максимально широкое распространение своего образа жизни и своих ценностей, так как общество, ориентирующееся на какие-то иные ценности, подсознательно воспринимается как раздражающий источник потенциальных угроз.

Между тем не вызывает сомнения, что многие общества, включая российское, просто не приспособлены к восприятию чужеродных для них американских ценностей. Достаточно посмотреть на правые партии, являющиеся в нашей стране безнадежными маргиналами. Достаточно вспомнить многократно доказанную истину, что либерализм (максимальное открытие национальной экономики мировой конкуренции), исповедуемый США и навязываемый ими всему миру, выгоден сильным, в первую очередь, самим США, но губителен для внутренне неоднородных и относительно слабых стран, включая Россию.

Нежелание же воспринимать пагубные для целого ряда обществ американские ценности и стандарты поведения воспринимается американским обществом как бесспорный признак враждебности. «Поймите меня правильно: я считаю Россию нашим партнером, даже союзником. Но я также знаю, что... ее интересы войдут в противоречие с нашими», – весьма ясно указывает помощник Дж. Буша по национальной безопасности К. Райс, уже прозванная «новым Киссинджером».

Руководство России не демонстрирует понимания ситуации и не проводит в отношении США, позиция которых представляет собой прямую угрозу уже не интересам, а самому существованию нашей страны, никакой последовательной линии. Россия просто не имеет стратегии отношений с новым руководством США – как, впрочем, не имеет она и внятной внешнеполитической стратегии. В частности, наше руководство практически не прилагает усилий к снижению потенциального уровня конфликтности. Более того, бессмысленные «булавочные уколы»: неформальное обвинение в уничтожении АПЛ «Курск» (в таких случаях принято либо предъявлять доказательные претензии, либо втихую топить «подлодки-убийцы»), грубая по дипломатическим канонам нота МИДа о возобновлении продаж оружия Ирану, пугающе неубедительные процессы по обвинениям в шпионаже, – лишь подливают масло в огонь американской враждебности.

На этом фоне разумные, назревшие и безобидные шаги (возврат на постсоветское пространство, восстановление сотрудничества с рядом старых партнеров и т. д.) выглядели раздражающей демонстрацией. Да, переориентация внешней политики России на национальные интересы, в частности, в отношении Украины, не могла обойтись без напряженности, – но наши представители и не пытались сгладить потенциальные конфликты.

Это не могло не быть замечено.

Бессмысленный эпатаж в отношении США вызван не отдельными ошибками и не прорвавшимся на поверхность комплексом «униженных и оскорбленных». Главная причина – подспудно вызревшая в 2000 г. стратегия развития России, руководство которой инстинктивно пытается воссоединить разорванную и обиженную нацию на основе не стремления к будущему, как это правильно делали коммунисты и Б. Ельцин, но ностальгии по прошлому.

Да, население одобряет такой стиль, – но страной нельзя управлять по социологическим опросам. Государство нужно обществу не как раб его мнений, но как поводырь, формирующий их и ведущий общество в нужном направлении.

Обращенность в прошлое не только тормозит развитие. Она неоправданно осложняет отношения с миром, на подсознательном уровне навязывая чиновникам брежневские образцы поведения. А ведь тогдашний уровень конфронтации непосилен для сегодняшней России. Мы не должны забывать, что наша страна не просто потерпела поражение в «холодной войне», но была полностью уничтоже-

на, понеся значительно больший урон, чем даже страны, разгромленные во Второй мировой войне.

Мы должны помнить это, строя свои отношения с победителями. Мы должны понимать внутренние причины, обуславливающие те или иные действия США во внешней политике, – потому что на внешние факторы они давно уже обращают подчеркнуто мало внимания.

2.4.1 ПРО: инструмент обеспечения глобального доминирования США

Американская администрация всячески подчеркивает свою озабоченность возможностью «расползания» ядерного арсенала России. «Я не устану повторять, что сегодня главная угроза, нависшая над миром, исходит от загнанной в угол России в том смысле, что часть ее ядерного арсенала рискует попасть в «плохие руки», а именно государствам-изгоям или террористическим организациям», – заявляет К. Райс. Помимо содержательной озабоченности, отождествление страха перед ядерной угрозой с Россией служит важным обоснованием программы ПРО и одностороннего выхода США из договора об СНВ-2.

Их аргументация носит многоуровневый характер. Официально ПРО нацелена против «государств-изгоев», включая КНДР. Но ее мощь на порядок выше, так что реально она призвана сдерживать Китай, который станет их главным стратегическим конкурентом. Проблема в том, что сердить Китай американцы не смеют уже сейчас, – и создают ощущение, что ПРО направлена против громко негодующей, но бессильной и потому безопасной для них России, а точнее, против якобы возросшей угрозы утечки ее ядерного оружия.

Тем не менее споры вокруг ПРО, как и вокруг откровенно угрожающего продвижения НАТО вплотную к западным границам России, также идущему в нарушение всех международных договоренностей, дают нашему руководству неплохие возможности для торга. Важно только понимать, что речь идет не о содержательном споре, но лишь о наименее болезненном для американцев оформлении уже принятых ими по внутренним причинам принципиальных решений.

Так, наиболее спорный вопрос в российском и американском видении будущего – ПРО – важен для США отнюдь не по внешнеполитическим или военным причинам. Дж. Буш отличается от А. Гора жесткой ориентацией на форсированное развитие технологий, в первую очередь, через ПРО, на которую республиканцы намерены истратить 500 млрд долл. за 10 лет и которая имеет не столько военное, сколько технологическое значение.

До апреля 2000 г. технологии США развивались за счет привлечения средств через растущий фондовый рынок. Его стабилизация сделала невозможным продолжение такого финансирования и создала потребность в целевых государственных расходах на рывок в развитии технологий, которые эффективней всего осуществлять через военные программы. Новый рывок республиканцев способен вывести США из зоны опасной неустойчивости, в которой зависла сегодня вся их экономика. Особенно важно, что этот вывод будет осуществлен традиционным, наиболее естественным для них образом – ускорением технологического прогресса за счет эффективных усилий государства. Это позволит переломить наметившуюся негативную тенденцию и спасти США от длительного падения фондового рынка в 2001 г. и глубокого кризиса экономики – в 2002 г.

Дж. Буш объявит войну на уничтожение технологиям XX в. и намерен буквально «за уши» втащить Америку в следующее тысячелетие. Жесткость

Дж. Буша и его курс на технологический рывок отражают понимание принципиального изменения механизмов глобального доминирования. Раньше они носили военно-политический характер, сегодня являются финансово-экономическими, но уже в ближайшем будущем станут политико-технологическими, основанными на сочетании политической воли, фантазии и уникальных, недоступных остальному миру технологий (в том числе военных). Поэтому, в частности, Дж. Буш намерен сократить вооруженные силы США за их пределами, обезопасив внешнюю политику от терроризма.

Однако при этом он в еще меньшей степени, чем Б. Клинтон, будет склонен воздерживаться от применения силы. Демонстративные бомбардировки Ирака показали: Дж. Буш считает себя вправе бросаться камнями, так как первым из президентов США знает, что Америка больше не живет в стеклянном доме. Ее новое положение создано Р. Рейганом и закреплено Б. Клинтоном, но осознается лишь сейчас – и по мере этого осознания США будут представлять собой все большую опасность для остального человечества и, в первую очередь, для России.

Тем не менее не должно вызывать сомнений, что администрации Дж. Буша – в том числе за счет форсирования технологического развития, вызванного реализацией ПРО – удастся не допустить мирового финансового кризиса и сохранить сегодняшнюю стабильность, основанную на доминировании США. Это сохранение искупает все неприятности, которые способна принести России бушевская жесткость. Пока наша система госуправления балансирует на грани невменяемости, мы не можем использовать плоды глобальной дестабилизации и должны стремиться к сохранению статус-кво. Наши обиды на США и жажда реванша не должны затмевать то, что, пока мы не создали эффективной системы управления, самая плохая стабильность лучше самого хорошего хаоса. Ведь Россия сильно зависит от состояния США: насморк на их фондовом рынке означает для нашего грипп, а кризис их экономики станет для России подлинной катастрофой.

Российской элите, вскормленной в ельцинские времена на костях страны, был нужен А. Гор, для которого борьба с коррупцией в России почти так же опасна, как и для нее самой. Но России, несмотря на пугающую враждебность, переходящую в прямую агрессивность, нужен Дж. Буш – именно потому, что он может заставить ее руководство на деле бороться с парализующей общество и государство коррупцией. Жесткие же заявления Дж. Буша в адрес наших политиков, вне зависимости от их обоснованности, в целом соответствуют представлениям большинства граждан (по данным опроса РОМИР, 41,3 % россиян полностью убеждены в том, что российская власть «коррумпирована на всех уровнях», 34,6 % «скорее разделяют» это мнение, в то время как «скорее не разделяют» его 4,6 %, а тех, кто считают его неверным, нет вообще) и уже вписали его имя в историю России. В будущем эти обвинения могут стать важным источником возрождения симпатии между нашими странами, совершенно неожиданной в условиях «холодного мира».

2.4.2 Борьба с коррупцией, оргпреступностью и «отмыванием денег»

Самым важным, создающим больше всего как возможностей, так и опасностей направлением американской политики является для России борьба администрации Дж. Буша с коррупцией, оргпреступностью и «отмыванием денег» – понят-

но, преимущественно за пределами США. Обострение этой борьбы неизбежно не из-за гипертрофированной любви республиканцев к справедливости, а по вполне прагматичным и преимущественно внутривнутриполитическим соображениям.

Являясь прямой наследницей администраций Р. Рейгана и Дж. Буша, правивших страной 12 лет – половину жизни целого поколения – нынешняя республиканская администрация, скорее всего, начнет «чистку» госаппарата от приверженцев демократической партии. Чистка силовых структур, насколько уже можно понять, пойдет при помощи нагнетания шпиономании – «борьбы с предателями», – а также при помощи проверки эффективности помощи США Колумбии в борьбе с наркомафией.

Основное направление «очищения» от демократов структур финансового управления США – борьба с российской коррупцией. По мнению республиканцев, отечественные коррупционеры (главными из которых считаются А. Чубайс и В. Черномырдин) весьма долго пользовались всемерной поддержкой администрации Б. Клинтона. А это создает угрозу распространения российской коррупции и на саму эту администрацию и, далее, по всем США.

Нельзя допустить, чтобы неизбежная и полезная для России борьба администрации Дж. Буша против российской коррупции превратилась из-за неадекватности российского же государства в смертельно опасную борьбу против нашей Родины. Тогда Россия В. Путина попадет в положение Югославии Милошевича. США нельзя подталкивать на этот путь и потому, что он выгоден для них. Так, вероятная выдача П. Бородина Швейцарии (без нее суд США и правоохранительные органы Швейцарии просто потеряли бы лицо) может осложнить отношения России и Европы и повлиять на их наметившийся стратегический союз, объективно нацеленный против главного конкурента Европы – США.

Если подозрения швейцарцев правильны (до суда определить это нельзя, но пока репутация швейцарской прокуратуры вызывает больше доверия, чем репутация российской), процесс над П. Бородиным обнажит перед всем миром чудовищное лицо ельцинской «семьи». Но и без всякого процесса активизация расследования – например, вызовы высокопоставленных в прошлом и настоящем свидетелей – поставит под удар значительную часть правящей «политтусовки».

Это создаст великую угрозу – и даст великую возможность. Угроза заключается в изоляции и уничтожении России. Возможность – совместно с разумной частью мирового сообщества избавить Россию от «политического наследия» Б. Ельцина – сохраняющегося, несмотря на все декларации, господства олигархии, и на годы вперед нейтрализовав этим жестом доброй воли всю критику. Это болезненно, но не надо торопиться недооценивать В. Путина и С. Иванова: основной принцип дзюдо – обращать натиск противника себе на пользу. Они уже показали, что не будут пытаться мешать «мировому сообществу» выполнить за них неблагодарную работу по «зачистке» постельцинского политического пространства.

Борьба республиканцев с российской коррупцией заставляет нашу элиту держать экзамен: ей предстоит сделать выбор между безопасностью своих коррумпированных членов и безопасностью России. Бойкот приема в посольстве США в Москве по случаю инаугурации (из всех членов правительства пришел, насколько можно понять, лишь 1 человек), заявления, что П. Бородин арестован только за то, что он русский (это заявление оскорбляет русский народ, так как подразумевает, как минимум, что каждый из нас разыскивается Интерполом), и что он дол-

жен быть выпущен, так как знает, «какой проводок куда идет», показывают: нынешняя, ельцинская элита экзамен с блеском проваливает.

Учитывая тот вал проблем, что накатывает на Россию, неясно, успеет ли В. Путин создать свою собственную элиту. Однако разыгрывание новой администрацией США карты «российской коррупции» во внутриамериканских политических играх может открыть перед ним новые возможности.

Конечно, не обойдется и без проблем. США будут еще более энергично, чем раньше, использовать обвинения в коррупции, «отмывании денег» и потакании оргпреступности в качестве инструмента достижения своих политических и экономических целей, в качестве средства дискредитации неудобных режимов и оружия «информационных войн». Об изоэщенности ведения таких войн ярко свидетельствует пример Швейцарии, раскрытие банками которой информации о «золоте нацистов» и вкладах их жертв доказало слабость режима банковской тайны и привело к оттоку из банковской системы Швейцарии, по некоторым оценкам, до четверти ее активов. Обвинения в содействии «отмыванию» денег и угроза введения финансовых санкций – «универсальная дубинка», которая, в частности, была продемонстрирована России на встрече министров финансов «большой семерки» в Палермо.

Продолжающееся расследование дела «Бэнк оф Нью-Йорк», вероятные показания Б. Березовского и возможные – П. Бородина могут дать в руки республиканцам на нынешнюю элиту России такой компромат, который сделает ненужным ее обновление, так как создаст возможность (в сочетании, разумеется, с информационными методами) прямого управления ею. Эта опасность реальна, однако, как представляется, руководство России все еще сохраняет возможность нейтрализовать ее, создав такие условия, когда обновление российской элиты будет выгоднее для американцев, чем консервация и прямое управление старой.

2.4.3 Цена суверенитета России – 19 млрд долл.

Одним из основных требований к России будет форсирование либеральных реформ, направленных на приведение российской экономики в соответствие с американскими стереотипами и потому, как показали катастрофы 1992 и 1998 гг., абсолютно губительных для нее. Реальной мишенью такой политики в краткосрочном плане будут оставаться золотовалютные резервы Центробанка, являющиеся сегодня основным средством обеспечения российского суверенитета и, соответственно, основным резервом сопротивления навязываемой нам пагубной ультралиберальной политике.

На Россию уже оказывается колоссальное интеллектуальное давление, направленное на ускоренное размывание ее золотовалютных резервов; конкретные меры руководства нашей страны, реализующие эту самоубийственную политику, были рассмотрены выше.

Дополнительным инструментом сокращения и без того небольшого по мировым меркам запаса «валютной прочности» России стало запугивание потенциальных инвесторов, их предостережение от сотрудничества с нашей страной. К. Райс предупредила: «Их экономика находится в таком состоянии, что я боюсь, что в случае новых потрясений русские возьмутся за иностранных инвесторов и обложат их непомерными налогами. Они на это способны!» Это высказывание откровенно лживо, – особенно если вспомнить, что иностранные инвесторы являются единственной защищенной от государственного произвола частью экономического организма России, так как за ними стоят их правительства.

Однако оно ярко показывает отношение нового руководства США к новому руководству России.

Кроме того, оно является частью глобальной политики по стимулированию американской экономики при помощи привлечения в США капиталов всего мира. Трудности американской экономики не помешают, если она будет оставаться наиболее привлекательной зоной для инвестиций из-за существенно большего ухудшения ситуации в остальных регионах. Высказывание К. Райс показывает, что администрация Дж. Буша усвоила этот урок, преподанный администрацией Клинтона.

При этом преобладающее среди республиканцев настроение – «больше ни цента кредитов русским!» – и осознанное ограничение финансового сотрудничества обсуждением вопроса о реструктуризации долгов в условиях вероятного после 2001 г. падения мировых цен на нефть (администрация Дж. Буша объявила «крестовый поход» за дешевую нефть так же, как администрация Р. Рейгана объявляла его против коммунизма) и нерациональной экономической политики превращаются в смертельную угрозу для России.

Преодолеть ее можно не за столом переговоров, но только проведением, пусть даже вопреки давлению США, разумной экономической политики. Пример правительства Е. Примакова, получившего у контролируемого администрацией США МВФ согласие на государственное стимулирование инвестиций (это можно сравнить с разрешением на проведение православных служб в мусульманской мечети или наоборот), доказывает возможность переубедить руководство США при помощи бесспорных фактов и аргументов.

Раздел 3. Реструктуризация государства: «мечты и звуки»

3.1 «Тропой Хрущева» – к экономической дезинтеграции

Сегодня уже не вызывает сомнения, что административная реформа, начатая после инаугурации президента, выдохлась. Да, она обеспечила определенную консолидацию власти в руках федерального центра, напугав губернаторов и лишив их возможности непосредственно давить на правительство через Совет Федерации. Да, многие представители губернаторов в последнем оказались на деле представителями президента. Да, энергия губернаторов была изящно канализирована в Госсовет, который после этого был объявлен консультативным, то есть ничего не значащим органом. Однако эта консолидация была проведена столь непоследовательно, что явилась скорее демонстрацией слабости и отсутствия четкого видения перспективы.

Замена губернаторов военными, привыкшими автоматически повиноваться любым указаниям «сверху», стала действительно изящным решением обеспечения покорности регионов без пересмотра Конституции, не позволяющей центру командовать субъектами Федерации. Но большинство таких «карманных» военных (понятно, что к ним нельзя отнести ни Р. Аушева, ни Б. Громова), как правило, некомпетентны – у них просто не было возможностей ознакомиться с проблемами регионального развития. Классическим примером стала беспомощность бывшего командующего Балтийским флотом Егорова на посту губернатора Калининграда в кризисе начала 2001 г., когда из-за отмены таможенных льгот цены в области выросли на 30 %, а промышленность оказалась под угрозой закрытия.

В результате, механизм подчинения губернаторов через организацию избрания ими высокопоставленных и послушных военных создало угрозу не только региональным баронам, но и нормальному развитию страны, что исключает возможность его широкого применения.

Президент показал, что может сосредотачивать власть в своих руках, но не знает, что с ней делать и для достижения каких целей ее использовать. Последнее обесценило его успехи и сделало систему лоббирования интересов губернаторов хотя и менее заметной политически, но ничуть не менее эффективной содержательно. Преодолев последствия кризиса в отношениях с регионами второй половины 1999 г., президент не смог тем не менее обеспечить дееспособность системы федерального управления ими.

Институт полномочных представителей президента в округах, сменив отмерший к тому времени институт региональных представителей президента, стал бюрократической обузой, не имеющей обязанностей и полномочий. Для вписывания его в сложившееся правовое поле необходимо внести изменения более чем в 1600 только законов; эта безнадежно значительная работа даже не начата. Бессилие представителей президента ярче всего продемонстрировал К. Пуликовский, заявления которого в адрес Е. Наздратенко сначала не имели последствий, а затем были перечеркнуты самим федеральным центром, назначившим отставного губернатора председателем Госкомрыболовства.

Единственным «нашедшим себя» представителем президента в округах стал С. Кириенко, занявшийся не только сколачиванием и обучением политической команды для нового «похода во власть», но и, насколько можно понять, замыканием технологических цепочек в рамках федерального округа. Последнее является, по сути дела, созданием хозяйственной базы уже не для регионального, а окружного сепаратизма и представляет собой вполне реальную угрозу сохранению экономической, а затем и территориальной целостности Российской Федерации.

Пытаясь перейти от управления страной по 89 регионам к управлению по 7 округам, В. Путин шел по стопам Н. Хрущева, пытавшегося отказаться от отраслевого управления и перейти к управлению региональному. Несмотря на сохранение силовой и политической вертикали власти (КГБ и КПСС) в безусловном подчинении центральных властей, Н. Хрущев столкнулся с угрожающим ростом экономической обособленности и уже через четыре года был вынужден отказаться от управления по совнархозам и вернуться к обычной системе министерств.

42 года спустя после этой реформы В. Путин попытался подойти к проблеме организации государственного управления по территориальному принципу «с другой стороны» и передать под контроль своих представителей в округах именно силовые и политические органы власти. Таким образом, единство страны оказывалось обеспеченным лишь за счет экономических связей, – теснота которых, что доказано всей историей нашей страны, недостаточна для сохранения ее целостности.

Более того: занимаясь политическими проблемами и проблемами силовых ведомств, полпреды президента неминуемо должны были столкнуться с необходимостью решения и экономических проблем (включая борьбу с оргпреступностью и преодоление кризисных ситуаций). В результате, их активная деятельность в силу одних лишь управленческих закономерностей должна была привести их к замыканию на себя всех управленческих вертикалей и созданию административно-управленческого фундамента для окружного обособления и сепаратизма.

Это создало бы значительно большую угрозу для территориальной целостности страны, чем напугавшее Н. Хрущева исключительно экономическое обособление совнархозов. Поэтому полное бессилие института полпредов президента стало не только крахом начатой им административной реформы (если, конечно, воспринимать ее всерьез, а не как краткосрочное средство напугать губернаторов в преддверии реформирования Совета Федерации, что весьма возможно), но и спасением территориальной целостности нашей Родины.

Однако это относится к действительно бессильным представителям президента. Эффективные же и энергичные, подобные С. Кириенко, в силу своего положения в системе государственной власти и возложенных на них функций, объективно будут работать на разрушение Российской Федерации.

3.2 Олигархия возвращается

Олигарх – предприниматель, контролирующий части государственного аппарата (обычно через их руководителей) и способный в индивидуальном порядке диктовать государству осуществляемую тем политику. Это требует значительного и комплексного влияния, так как, помимо контроля за центрами принятия решений (по любому вопросу их, как правило, несколько), необходим и контроль за значительной частью исполнительной вертикали. Поэтому бессмысленны разговоры образца лета 1997 г. о борьбе «реформаторов» против «олигархов»: тогда группа А. Чубайса воевала против Б. Березовского, а сам термин использовался одной группой олигархов, чтобы опорочить другую – точно такую же.

После краха А. Коржакова и А. Лебеда политическая жизнь на федеральном уровне определяется противостоянием групп А. Чубайса и Б. Березовского. Каждая сила вынуждена определяться в магнитном поле этого противостояния – не личностей, а групп капиталов и, соответственно, моделей развития. Руководители ФПГ, «поднявшиеся» на залоговых аукционах, сначала примыкали к одной из этих групп, а после августа 1998 г. и вовсе сошли со сцены и перестали быть олигархами в приведенном нами полном смысле этого слова.

Стиль работы «группы Чубайса» (о которой говорят, что самый честный ее представитель – прославленный А. Кох) – продажа иностранным спекулянтам. Это определяет ее прозападническую ориентацию на спекулятивный капитал США и пренебрежение к интересам России: надо, чтобы ее покупали, а что в ней происходит – неважно.

Стиль работы «группы Березовского» (после изгнания последнего чаще называемой «семьей») – финансовое «высасывание» контролируемых предприятий. Ему приписывают фразу: «Зачем покупать завод, когда можно купить директора». Для него западные инвесторы – нежелательные конкуренты, а требование финансовой прозрачности – идеологическая диверсия. Поэтому идеология этой группы – изоляционизм, «опора на собственные силы».

Обе группы не занимаются развитием производства и отрицают ответственность государства за что-либо (так как такая ответственность автоматически распространится и на них, контролирующих государство). Эти два положения и образуют квинтэссенцию российского либерализма, выражающего фундаментальные интересы олигархов.

Придя к власти, президент В. Путин, как и любой другой политик, также должен был занять определенную позицию в магнитном поле интересов двух противостоящих групп. О его четком понимании их значимости и выделении их из об-

щего ряда свидетельствует отсутствие руководителей обеих олигархических групп на встречах президента с представителями крупного бизнеса. Насколько можно понять, курс В. Путина в отношении олигархов заключался в обмене их отказа от явного участия в политической деятельности на предоставление полной свободы в экономической экспансии (в основном в регионы) и, соответственно, в наращивании хозяйственного влияния*. Поскольку это объективно вело к масштабному переделу собственности, значение молчаливого согласия государства было весьма велико – достаточно указать, что оно систематически закрывало глаза на методы этого передела.

Позитивным содержанием этой политики (автоматически распространившейся с двух олигархических группировок на весь крупный бизнес) было объединение относительно развитой части регионов страны в единое целое технологическими цепочками. В условиях продолжающегося разложения государственной вертикали власти это было исключительно важно для сохранения целостности страны.

Но главный результат такого курса заключался в том, что экономическая экспансия олигархических групп, пусть даже проводимая при условии отказа от явной политической деятельности, вела к существенному наращиванию их политической влиятельности и создавала предпосылки для нового прорыва на авансцену политической жизни. Более того: эта влиятельность носила новый, качественно более опасный для федерального центра характер, ибо основывалась уже не на личном расположении президента или других высокопоставленных чиновников, но на не зависящей от них прочной хозяйственной базе.

Если прошлые олигархи «назначались» самим государством; нынешние сделали себя сами и не зависимы от него. Это обеспечивает их качественно большую мощь, в том числе и в политической сфере.

Свобода экспансии для двух групп быстро стала свободой экспансии для всех, создав условия для выращивания до олигархического уровня новых корпораций, относившихся к категории «крупного бизнеса». Таким образом, предоставление В. Путиным свободы экономической экспансии в обмен на, как мы показали, временный отказ от политической деятельности чревато не только укреплением олигархических групп и повышением их мощи по сравнению с государственной, но и увеличением их числа. Поэтому политологи поторопились, объявив эру В. Путина свободной от олигархов, а их самих – «равноудаленными» от президента.

Первым признаком возвращения олигархов на политическую арену стала энергетическая катастрофа в Приморье, приведшая к отставке Е. Наздратенко – одного из злейших противников А. Чубайса. Но в полной мере «новая олигархия» проявилась в обсуждении в Госдуме поправок в бюджет-2001, необходимых для выплат по долгам Парижскому клубу и компенсации нереальных внешних кредитов, заложенных в бюджет (изыскиваемая сумма составила 6,1 млрд долл.). Одним из направлений «затыкания» этой «дыры» была приватизация, от которой хотели получить лишь 15 млрд руб. (менее 9 % величины изыскиваемых средств). Вероятность протестов Госдумы против именно этой статьи была велика не только по идеологическим причинам, но и потому, что правительство так и не разработало обещанную депутатам программу приватизации на 2001 г. В связи с этим премьер-министр М. Касьянов дал первому вице-премьеру, министру финансов

* Единственное исключение – формализация участия А. Чубайса в деятельности СПС путем выбора одним из сопредседателей – только сильнее подчеркивает это правило.

А. Кудрину, выступавшему в Госдуме, строжайшие указания снимать статью о приватизации, если депутаты будут возражать против нее. Как выяснилось в ходе прений, аналогичную позицию занимал и президент В. Путин.

Однако А. Кудрин фактически игнорировал эти указания, отчаянно сражаясь за сохранение статьи о приватизации, вызвав грандиозный скандал, едва не приведя к срыву обсуждения этой проблемы и, как следствие, к техническому дефолту России по долгам Парижского клуба (вернуться к ней раньше середины марта было почти невозможно). Можно только гадать, что заставило министра финансов до последней возможности пытаться нарушить прямые указания премьера и президента. Наиболее внятное предположение вытекает из списка предложенных к приватизации предприятий: АО «Челябинскэнерго» входило в сферу интересов группы А. Чубайса (к которой относят и самого А. Кудрина), а образующие единый технологический комплекс «Кузбассуголь» и Западно-Сибирский металлургический комбинат, по имеющейся информации, – в сферу интересов «Альфа-групп».

Последнее особенно интригует, так как кульминационным моментом обсуждения проблемы стал визит в Госдуму заместителя руководителя администрации президента В. Суркова, ранее работавшего именно в «Альфе». Он провел совещание с руководителями фракций, которые принято считать «пропрезидентскими», после чего те предложили исключить из списка приватизируемых объектов АО «Челябинскэнерго» и оставить в нем только предприятия, которые, по мнению многих депутатов, представляли интерес именно для «Альфы». А. Кудрин и В. Сурков бились за это предложение, как львы, и отступили в последний момент, поставив Госдуму на грань срыва договоренности с правительством, а страну – на грань технического дефолта.

Таким образом, если это предположение верно, руководители администрации президента и правительства едва не поставили интересы двух корпораций выше интересов страны и прямых указаний своих руководителей, ради этих интересов едва не устроили технический дефолт, а значит – и глубочайший внешне- и внутривнутриполитический кризис. На этот раз России повезло, – но никому не может везти бесконечно, и рано или поздно, просто по теории вероятностей, одна из таких эскапад неминуемо закончится полномасштабной катастрофой.

Безрассудные действия разного рода официальных лиц, порой противоречащих здравому смыслу, часто нельзя понять без соотнесения их со сложившимися расценками лоббистской деятельности. Обобщение оценок ряда профессиональных думских лоббистов позволило выявить некоторые виды услуг, приобретших массовый характер, предлагаемых на достаточно широком рынке и имеющих благодаря этому относительно устойчивые, хотя и стихийно определившиеся на свободном «административном рынке» тарифы. Так, в случае внесения в основную часть федерального бюджета финансирования капитальных вложений в тот или иной объект, группе осуществивших эту операцию лоббистов в момент принятия бюджета выплачивается 5 % от суммы капиталовложений. Если же они не торопятся и ждут поступления средств «заказчику-бюджетополучателю», сумма может вырасти до 10 %. Если капвложения включаются в перечень дополнительных доходов бюджета, сумма выплат в момент принятия соответствующего решения Госдумой составляет лишь 2 %. Однако если группа лоббистов согласна ждать до прихода средств на счета бюджетополучателя, она получает «за качество» около 10 %.

Эксклюзивная услуга – «сопровождение» проекта внутри Минфина; плата за получение бюджетных капиталовложений точно по нужному бюджетополучателю графику (а, например, не в декабре месяце, когда строить что-либо уже поздно) может обойтись ему до 30 %. По приватизационным сделкам стоимость лоббистской деятельности по включению того или иного объекта в законодательно утвержденный список приватизируемых объектов составляет около 1 % от ожидаемых поступлений от приватизации сразу же после принятия решения. Если лоббисты согласны ждать до момента приватизации, оплата их услуг возрастает до 2–3 %. Цена законов, утверждающих Соглашения о разделе продукции (это выгодно, так как СРП означает фактически освобождение от части налогов), существенно изменяется в зависимости от характера задачи. Если заключение СРП проводится без конкурса (это делается, если инвестор уже давно имеет лицензию на разработку рассматриваемого месторождения, или если в закон о конкретном соглашении внесена специальная запись), лоббисты совместно с инвестором проводят экспертную оценку (проще говоря, торг) стоимости участия в конкурсе и получают 10 % от нее. Если же заключение СРП предполагается проводить с конкурсом, и роль лоббистов ограничивается просто «проталкиванием» закона, стоимость их услуг оценивается примерно в 5 % от стоимости участия в конкурсе, устанавливаемой опять-таки на основе экспертного торга.

Конечно, все это не означает, что, как в иные времена, по госучреждениям бегают подозрительные личности с чемоданами или коробками из-под ксероксной бумаги. Те романтические времена прошли, и к настоящему времени сформировались эффективные лоббистские машины, не подвергающие ни малейшей опасности ни депутатов, ни лоббистов, ни их работодателей и надежно скрытые от общественности. Многие депутаты, подчиняясь фракционной дисциплине, увещаниям старших товарищей или разъяснениям пользующихся их доверием экспертов, даже не подозревают, что подчиняются тем самым работе громадного и бесшумно функционирующего лоббистского механизма.

Именно благодаря ему через Госдуму проходит в конечном итоге практически любой бюджет, даже подобный бюджету 2001 г. – с арифметическими ошибками и одновременным использованием в расчетах двух кардинально отличающихся друг от друга прогнозов. Цена самого акта принятия бюджета для существенной части депутатов настолько велика, что полностью заслоняет собой его содержание и качество его проработки.

Лоббисты, работающие в Госдуме, в один голос утверждают, что в последние годы не то что государственные капиталовложения ни в один объект, но и ни один закон экономического характера не проходил без соответствующего финансирования работы по «связям со властной общественностью».

Вместе с тем следует подчеркнуть, что мы ни в коем случае не хотим бросить тень или усомниться в высоких профессиональных качествах лоббистов, осуществляющих сделки по иным тарифам. Приведенные данные усреднены без учета условий конкретных операций и потому не могут быть использованы в качестве преискуранта при анализе или подготовке конкретных сделок. Так, например, плата, как правило, не взимается «дружескими» фракциями со структур (если такие действительно существуют), ведущих их систематическое финансирование. Действительно: если та или иная фракция «сидит на зарплате» у той или иной корпоративной или политической группы, она просто не может рассчитывать на дополнительную оплату отдельных операций со стороны своего работодателя.

Функционирование такого механизма в Госдуме подозревалося многими, однако выступления первого вице-преьера – министра финансов А. Кудрина и действия заместителя руководителя администрации президента В. Суркова весьма существенно расширили сферу этих подозрений. А. Кудрин и В. Сурков выглядят сегодня как своего рода знаменосцы «новой олигархии», выходящей на авансцену российской политики так же решительно и последовательно, как и в начале 1996 г. Следует отметить, что, как и пять лет назад, это выдвижение крайне своевременно для действующего президента.

Уже ставший живой легендой президент Б. Ельцин мог плевать на мнение населения и выигрывать президентские выборы, имея рейтинг, не превышающий 6 %, так как он опирался на поддержку двух могучих систем власти: олигархов и региональных властей. В отличие от него, президент В. Путин пока так и не озаботился институционализацией своей поддержки и руководит страной, опираясь непосредственно на такую шаткую, переменчивую (что убедительно показывают примеры М. Горбачева и того же Б. Ельцина) и политически опасную субстанцию, как прямая поддержка народа. Вторая опора президента – чиновничество, которое получило право творить все, что угодно, в обмен на отказ от политических амбиций и политическую лояльность (яркий пример этого дает, похоже, судьба Е. Наздратенко).

Президент В. Путин, похоже, уже стал заложником своей популярности. Между тем политика, проводимая исключительно в целях повышения рейтинга, в конце концов может обрушить его, выродившись в популизм. Политическая опора на бюрократию также бесперспективна: она резко сокращает возможность использования ее для решения содержательных проблем и делает государство неуправляемым.

Неспособность правительства решать назревшие экономические проблемы и проведение реформ без оглядки на действительность уже породили антипрезидентские лозунги (по первой причине – в Приморье, по второй – в Калининграде). Третий виток либеральных реформ способен быстро сократить популярность президента до угрожающе низкого уровня, породив новый политический кризис. В этих условиях президент испытывает сильнейшую потребность в расширении своей социальной базы, в опоре на тех, кто не бросит его даже после потери им доверия большинства граждан страны.

Этой опорой, как и в случае с президентом Б. Ельциным, может стать олигархия. Косвенным свидетельством этого служит и тон второй встречи в крупными бизнесменами, значительно более уважительный и конструктивный, чем тон первой, и вероятная безнаказанность А. Кудрина и В. Суркова. Оба они – опытные политики, и ни один из них не стал бы рисковать своим положением, если бы не был уверен, что ему сойдут с рук действия, которые могут быть расценены как демонстрация приверженности не государственным, но корпоративным интересам.

3.3 Паралич государства и интеллекта: поток нефтедолларов смывает здравый смысл

Правительство нашей страны давно не страдало избытком компетентности. В одном ряду стоят Е. Гайдар, превративший экономическую реформу в национальную катастрофу потому, что не знал (а точнее – не хотел знать) о высокой монополизации экономики, А. Чубайс, свято верящий, что «города берет» не смелость, а именно наглость, «киндердефолт» С. Кириенко, за месяц спровоцировавший «рельсовую войну» шахтеров, а еще через три – поставивший страну на грань катастрофы, и М. Касьянов, даже не пытавшийся поставить заслон нелепой байке

об украденных 4,8 млрд долл. МВФ, дискредитировавшей не столько его, сколько представляемую им страну...

В последний год – вероятно, из-за потока нефтедолларов, которые лишают путинскую Россию необходимости думать точно так же, как четверть века назад лишали брежневский Советский Союз – процесс оглупления государства вышел на качественно новый уровень. И здесь уже не до содержательных споров – речь идет о некомпетентности, граничащей с обыкновенной житейской невменяемостью.

Рассмотрим это на примере только двух ключевых министерств – Минэкономразвития и Минфина (остальные, насколько можно судить, как регулярные органы просто не работают). С «грефством» все ясно – объединение в рамках одной структуры функций стратегического планирования и оперативного управления (внутренняя и внешняя торговля, Госкомсевер, часть валютного контроля и соглашения по разделу продукции) означает ее надежный паралич просто по институциональным причинам. Это министерство напоминает сегодня Курчатова, которому поручили бы сделать атомную бомбу за три года... при условии, что все это время он работал бы регулировщиком уличного движения.

Совершенно безразлично, является ли это административное надругательство над Г. Грефом результатом утонченных интриг или же его собственной жадности, – простое согласие на руководство таким министерством говорит об умственных способностях «отца» очередной либеральной реформы больше, чем самое пространное заключение самых квалифицированных психиатров.

Самым высоким достижением Минфина стало практически неизвестное обществу использование ДВУХ РАЗНЫХ прогнозов развития России при подготовке одного и того же федерального бюджета на 2001 г. При расчете его основной части использовался правительственный прогноз, подготовленный, как положено, Минэкономразвития. А вот при расчете помощи регионам, являющихся неотъемлемой частью бюджета, Минфин использовал совершенно иной, свой собственный прогноз, несовпадение которого с официальным правительственным прогнозом составляло от 50 % в одну сторону до 70 % – в другую.

В результате, даже если не пытаться вникнуть в мешанину методики распределения трансфертов между регионами, а просто пересчитать ее по официальному, правительственному прогнозу, окажется, что Удмуртия недополучила 370 млн руб. трансфертов, Курганская область – 441, Магаданская – 482, Иркутская – 692, Омская – 710, Новосибирская – 773, Читинская – 895, Амурская – 947, Тюменская – 954, а Кемеровская – свыше 1,4 млрд руб. трансфертов! Рекордсменом стал Хабаровский край, которому из-за подмены прогноза недодано 1,9 млрд руб. С другой стороны, излишне начисленные трансферты составили: Чувашии – 530 млн руб., Челябинской области – 543, Краснодарскому краю – 564, Кабардино-Балкарии – 598, Дагестану – 609, Тульской области – 627 млн руб., Алтайскому краю – 777, Ростовской области – 812, Пензенской – 813 и, наконец, Приморскому краю – 824 млн руб.

Ситуация, когда правительство имеет в своем сознании два четких и не пересекающихся пласта логических построений (два прогноза экономического развития) и хаотически, произвольно перескакивает из одного в другой, многократно описан в психиатрии. Это шизофрения – не болезнь, а, скорее, свойство личности, что не лечится. На этом фоне меркнет и позорное хамство правительства

в ходе обсуждения реструктуризации долгов России Парижскому клубу, и дыра в 6,1 млрд долл., зияющая в «бездефицитном» и «полностью сбалансированном» федеральном бюджете 2001 г., и 2 млрд долл. экспортных пошлин, подаренных правительством нефтяному комплексу России как раз накануне лихорадочных и чреватых политическим кризисом поиска 6,1 млрд долл. дополнительных доходов, необходимых для выполнения обязательств перед Парижским клубом.

К сожалению, «смена личности», то есть правительства, далеко не гарантирует страну от неразумности проводимой политики. На смену бездельникам и парализующим друг друга интриганам может, как уже бывало, прийти сплоченная, эффективная и отмороженная «команда единомышленников», нацеленная на либерализацию (в наших условиях – разрушение), «редукцию» «нерыночного сектора экономики» (преимущественно систем жизнеобеспечения) и окончательное снятие с государства всякой ответственности за состояние страны.

Заключение. Контуры разумной экономической политики

Предположение о наличии у президента В. Путина воли к политическому самосохранению (или соответствующего инстинкта) поддерживает, хотя и в достаточно слабом виде, надежду на переход России к нормальной экономической политике, нацеленной на реализацию ее собственных интересов, а не интересов ее основных стратегических конкурентов.

По крайней мере с 1997 г. в принципе ясно, что для выживания России необходимо сосредоточить все усилия государства на структурных реформах, важнейшими из которых являются следующие:

- проведение комплексной антимонопольной политики (направленной не на естественные, но на все монополии и на борьбу не с ними как таковыми, но лишь со злоупотреблением ими своим монопольным положением);
- начало реструктуризации естественных монополий с обеспечения их полной финансовой прозрачности, включая все аффилированные структуры, как российские, так и зарубежные;
- декриминализация процедуры банкротства;
- судебная реформа (обеспечение финансовой и административной независимости суда как от исполнительной и законодательной власти, так и от негосударственных структур, создание механизмов реализации решений, контроля качества судебных решений, программ защиты судей, свидетелей и потерпевших);
- государственное гарантирование инвестиций в отдельные крупные проекты, необходимые для сохранения инфраструктурных и базовых отраслей, от некоммерческих рисков (в настоящее время естественные монополии, особенно РАО «ЕЭС России», повышая тарифы под предлогом недоинвестирования, в принципе не имеют не то что проработанной инвестиционной программы, а даже отдельных инвестиционных проектов!);
- совместная с деловым сообществом реализация государственных программ развития депрессивных регионов, не способных воспользоваться благоприятной экономической конъюнктурой.

Заметим, что эти реформы вполне соответствуют, за исключением двух последних, либеральной идеологии. Кроме того, необходимо последовательно сокращать долю населения с доходами ниже прожиточного минимума. Это стиму-

лирует экономический рост повышением совокупного спроса и обеспечением социального мира. Чтобы пресечь возникновение иждивенческих настроений у руководителей регионов, разумно установить, что бюджеты высокодотационных регионов должны управляться федеральным Минфином, и регулярно повышать порог «высокодотационности».

Деятельность правительства реформаторов еще раз доказывает: разумная политика невозможна без механизмов обеспечения ответственности чиновников. Достаточно вспомнить, что при подготовке бюджета-2001 методика распределения трансфертов между регионами, являющаяся его неотъемлемой частью, опиралась на прогноз Минфина, не совпадающий с официальным, на основе которого был составлен проект бюджета в целом, – и бюджет был принят в этом виде.

Необходимо и организационное совершенствование правительства. Практическое отсутствие сознательной организации его работы, перманентный хаос в его аппарате (получивший по имени его руководителя броское название «шуваловщина») и полная недееспособность ведомств, ответственных за наиболее важную структурную политику, делают совершенно необходимым разработку и скорейшую реализацию Программы госстроительства. В рамках совершенствования работы правительства надо прежде всего определить конкретные функции, исполняемые государством в сфере регулирования экономики, на основе этих функций определить круг ведомств, необходимых для исполнения этих функций, и упразднить остальные в связи с их ненужностью.

Для оставшихся понадобится разграничить зоны ответственности, установить формализованные механизмы выработки, согласования и реализации решений, позволяющие однозначно определять ответственного за каждый вопрос. Уже на этом этапе выявится, например, категорическая необходимость возвращения налоговой службы и таможни в состав Минфина, Федеральной энергетической комиссии – в состав антимонопольного министерства, объединения искусственно разделенных оборонных агентств в рамках единого Миноборонпрома.

После этого от нынешней принципиально неуправляемой структуры правительства, включающего в себя более 60 ведомств 6 различных видов, можно будет вернуться к цивилизованной структуре, объединяющей около 25 равноправных министерств. Новая структура правительства позволит работать на перспективу и сосредоточить стратегические усилия на завоевании места России в мире (просто так нам этого места никто не уступит – в этом А. Кох, заслуженно пользующийся славой одного из честнейших и искреннейших реформаторов, совершенно прав). Для этого необходимо:

- развитие системы образования и на ее основе – интеллектуалоемкого сектора (из-за плохого климата и системы управления Россия обречена на избыточные по сравнению со среднемировыми издержки, что обрекает ее на банкротство при ориентации на любое простое производство; поэтому для нее возможна только специализация на сложных, то есть интеллектуалоемких производствах, при которых положительная интеллектуальная рента с лихвой компенсирует отрицательные климатическую и управленческую);
- создание трансъевразийской железнодорожной магистрали и переориентации на нее основной части трансъевразийского грузопотока (Россия расположена между двумя центрами региональной интеграции – Европой и Юго-Восточной Азией; если она не станет мостом между ними, объединяющим их в единый экономический «материк стабильности», она неминуемо будет разорвана ими);

- участие в формировании новой финансовой инфраструктуры мира, прежде всего на интеллектуальной основе – выдвижением самостоятельных инициатив и всемерной поддержкой приемлемых инициатив зарубежных стран и специалистов (например, «плана Миядзавы» по ограничению возможностей международных финансовых спекулянтов и реформированию международных финансовых организаций, в первую очередь, МВФ, а также «валютной змеи» Лафонтена, устанавливающей пределы колебаний трех основных валют – доллара, евро и иены – друг относительно друга).

Говоря о стратегии развития России, нельзя забывать о том, что критический износ основных фондов, создавший реальную опасность разрушительных техногенных катастроф, является не только проблемой, но и возможностью. Следует использовать создаваемое в ряде развитых стран недоверие к России для «перехвата инициативы» и превращения проблемы техногенных катастроф в инструмент привлечения новых ресурсов для модернизации нашей страны. Для этого целесообразно:

- обследовать изношенные производственные комплексы, угрожающие экологическому благополучию развитых стран, и оценить возможные последствия аварий на них (эта работа в значительной степени уже должна быть сделана специалистами МЧС);
- обобщить наиболее опасные и вероятные потенциальные катастрофы, информация о которых не секретна, в специальном издании (условное название – «Черная книга России»);
- широко распространить это издание на Западе (привлекая к нему внимание при помощи лучших зарубежных агентств по связям с общественностью), сопроводив его официальным предложением сотрудничества ради спасения мира от техногенной опасности.

Данные действия позволят начать содержательные переговоры с развитыми странами о привлечении инвестиций в предотвращение техногенных катастроф путем модернизации российских предприятий, переориентировать Запад с соперничества с Россией на сотрудничество, надежно обосновать российские инициативы, направленные на облегчение бремени выплат по внешнему долгу.

Существенно, что такая инициатива, будучи признаком открытости, мужества и ответственности, кардинально улучшит имидж руководства России в развитых странах. В то же время критика России на Западе может быть представлена как попытка торпедировать описанные проекты и тем поставить под угрозу будущее не одной лишь России, но всего человечества.